

МОНСТРЫ в академии

Екатерина Бунькова

Екатерина Бунькова

Монстры в Академии

<https://litres.ru/74205503>

Аннотация

ЦИКЛ ЗАВЕРШЕН! Марину выкрали в другой мир и обманом выдали... нет, не замуж. Классное руководство ей выдали. И самый жуткий в Академии класс, набранный из бывших уголовников всевозможных магических рас. А волшебную палочку-указочку не выдали, оставив один на один с неуправляемыми монстрами...

В тексте имеет место быть: - реалистичное и атмосферное фэнтези (на этот раз - о создании школы магии с нуля человеком, который в этом ничерта не смыслит), - заброшенное здание, швабры-тряпки-ремонт и тёрки с "соседями", - молодые люди разных магических рас, - алхимия и другие необычные науки, - подставы, конфликты, драки, дружба, любовь и прочие прелести юношества, а также здоровенный "таракан" в голове главной героини. Приправлено юмором с легкими нотками драматизма.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	8
Глава 3.	26
Глава 4.	35
Глава 5.	55
Глава 6.	65
Глава 7.	74
Глава 8.	85
Глава 9.	94
Глава 10.	99
Глава 11.	114
Глава 12.	119
Глава 13.	137
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Глава 1.

Двое мужчин неспешно шли по улице большого города. Их яркие длинные мантии и профессорские шапочки нелепо смотрелись среди унылых серо-стеклянных зданий, уходящих вершинами в небеса. Прохожие оглядывались на чудаков и посмеивались, но никаких действий не предпринимали, так что пришельцы были спокойны.

Правый мужчина был постарше. Одной рукой он задумчиво почесывал лоб, в другой держал предмет, похожий на старинный морской компас. Стрелка в нем на первый взгляд вертелась хаотично, но с каждым шагом мужчины она все чаще запиналась в одном и том же месте. Наконец, она перестала нарезать круги и замерла, слегка подрагивая.

– Нашел, – с удовлетворением сказал старик, поворачивая «компас», чтобы убедиться, что тот показывает в определенную сторону, а не просто в пространство.

Его напарник – мужчина лет тридцати пяти – проследил за направлением стрелки, пытаясь понять, на кого она указывает. Однако в той стороне было слишком много людей, чтобы делать какие-то выводы. Они снова медленно пошли, но теперь уже в ту сторону, куда указывал компас. Люди, идущие навстречу, стали выказывать недовольство: странная парочка занимала половину тротуара.

– Зачем нам еще один преподаватель? – спросил тот, что

был помоложе, недовольно поморщившись. — И так полна Академия нахлебников, мнящих себя архимагами.

— Нам не преподаватель нужен, а Учитель, — терпеливо поправил его старик.

— А в чем разница? — уточнил его спутник. Тон его был ворчливым: видно было, что пришел он сюда не по своей воле.

— Это ты должен понять сам, — таинственно улыбнулся старик. — И как только поймешь, я уступлю тебе место ректора.

Мужчина ничего не ответил, лишь поджал губы. Старик протянул ему «компас» и начал кого-то высматривать, продолжая двигаться в заданном направлении. Толпа была велика, и все местные отчего-то торопились, едва не врезаясь в двух неспешных странников.

Наконец, когда парочка все же пересекла людской поток и подошла к краю пешей дорожки, стрелка «компаса» совершила резкое движение, и мужчина помоложе одернул своего спутника: похоже, они чуть не прошли мимо искомого объекта.

Мужчины посмотрели в нужную сторону. На скамейке, поджав ноги и обхватив руками колени, сидела совершенно непримечательная девушка — такая же, как и прочие во круг. С одним но: похоже, она только что плакала и едва-едва успокоилась.

— Вы уверены, что артефакт не сломан? — усомнился пришелец, обратившись к пожилому спутнику. — Женщина? Да

еще и такая молодая. Это явно не то, что мы ищем.

– Не сломан, – уверенно сказал старик, убирая «компас».
– Посмотри на ее одежду и вещи.

Мужчина послушно посмотрел. На девушке было серое нечто, плотно обтягивающее фигуру, и туфельки почти без каблука. Волосы были собраны в тугий пучок, а рядом на скамейке лежали очки и стояло нечто вроде саквояжа, но не лекарского.

– Все равно не понимаю, – нахмурился мужчина. – Она выглядит так же, как и все прочие жители этого мира – уныло и дешево. Пожалуй, другие даже попримечнее будут.

Он покосился на даму в шелковом воздушном одеянии, только что вышедшую из неведомой самодвижущейся повозки. Дама заметила его взгляд, едва заметно хмыкнула и исчезла, слившись с суетливым людским потоком. Мужчина лишь разочарованно вздохнул, явно сожалея о бессмысленности этого путешествия.

– Эх, – вздохнул и старик, но совсем по иной причине.
– Мне тебе не объяснить. Но когда много Учителей повидаешь, начинаешь узнавать их в толпе. Однажды ты тоже научишься. Берем ее.

Он кивнул на зареванную девицу, утирающую красный нос платочком.

– Что? Даже без предварительной беседы? – удивился мужчина.

– Это же не магический мир, – пояснил старик. – Она со-

чет нас сумасшедшими. Так что сначала берем, а там уже и побеседуем. И поторопись – она уходит.

Девушка действительно растерла остатки слез по щекам, надела очки, подхватила сумку и торопливыми шагами влилась в толпу невзрачных людишек, грозя в ней затеряться.

– Как скажете, – пожал плечами мужчина, активируя под девушкой одноразовый телепорт.

Пост в одном из новостных пабликов:

Сегодня, 28 мая, молодая женщина провалилась в канализационный люк на проспекте Строителей.

Подробности трагедии пока не выяснены, так как тело не было обнаружено. Но свидетели заявляют, что падению предшествовала яркая вспышка в области люка и испуганный крик женщины. Запись с камеры торгового центра подтверждает свидетельства очевидцев.

Однако коммунальные службы заявили, что данный тип люка не позволяет подобного. В зоне происшествия работают МЧС и полиция. Обстоятельства выясняются.

Подписывайтесь на наш канал! Всегда свежие новости и громкие события!

Глава 2.

Марина пребывала в состоянии ступора. Она все еще сомневалась в том, что происходящее – не сон, хотя реалистичность окружающего мира зашкаливала. Запахи, шорохи, даже чувство влаги в воздухе прохладного кабинета – полный набор ощущений убеждал ее, что она бодрствует. Однако происходящее все равно казалось бредом.

Марина еще раз огляделась. Кожаный подлокотник был обшарпанным, а деревянная отделка кресла несла на себе следы многолетнего использования. Хозяин кабинета, сидевший напротив и сочувственно на нее глядевший, также выглядел вполне реально. В уютной тишине этого места приятно постукивали ходики, а из открытого окна доносились крики ласточек. Пахло свечным воском, кожей и холодным камином.

– Да Вы не переживайте, – сказал старик. – Ну, не понравится – вернем Вас домой. Что Вы теряете?

– Я не об этом беспокоюсь, – призналась Марина, возвращаясь к теме разговора. – Вы поймите: даже в двух разных школах программы могут сильно различаться, а уж в двух разных мирах... Конечно, УУД везде одинаковые. Но ведь мы сейчас не о младших школьниках говорим, а о старших подростках.

– Скорее, юношах, – поправил ее ректор. – Они почти все

уже совершеннолетние.

– Тем более, – ужаснулась Марина. – Музыка в восьмых-девятых классах – это уже пытка для учителя. Что я буду делать с теми, кто еще старше?

– А какая разница? – улыбнулся ректор, прищулив на нее понимающие серые глаза. – Это беспризорники, они сильно отстают в социальном развитии от обычных детей. По сути, они подростки и есть.

Марина поджала губы и покачала головой. В ее классе некогда учились сестры-сироты. И это были самые сложные дети на ее практике. Получить целый класс таких...

Она тряхнула головой, отгоняя жуткое видение.

– Сжальтесь, Марина Игоревна, – вздохнул ректор, видя явственный отказ девушки. – Некого ставить, совершенно некого!

Марина нахмурилась еще сильнее. Слышала она эту песню. От каждого директора слышала. Потому что количество рабочих мест в школах заметно превышало количество желающих их занять. Ибо сколько бы ни поднимали учителям зарплату, профессия эта оставалась возмутительно неблагодарной, и работать в нее шли только по призванию либо по глупости.

– Ну, хотя бы полгодика, – сменил тактику ректор. – Учебный год уже неделя, как начался, проверка не за горами, а у меня целый класс добавился и ни одного учителя для него!

– Простите, но мне в это плохо верится, – твердо стояла

на своем Марина, по опыту зная, что только так и надо разговаривать с директорами школ, чтоб тебя не припрягли к рабскому труду. – Вы сказали, что это известная магическая академия. И что здесь работают лучшие преподаватели страны и им прекрасно платят. Неужели они за свою «прекрасную» зарплату не готовы взять по одному часику, распределив нагрузку на всех?

– Марина Игоревна, Вы, похоже, не понимаете специфики, – вздохнул мужчина. – Дело не в нагрузке и не в оплате. Никто не хочет брать мажиков. Они изгой. Увы, но наше общество еще не настолько развито, чтобы преподаватели сумели перешагнуть через предрассудки. То ли дело Вы – толерантный человек из гуманного общества.

Марина вздохнула. Этот представитель директорской касты был хорош в убеждении. Но она уже проходила через это. Хлеб за пузом не бегаёт. И если директор охотится за второсортными учителями, к коим она себя самокритично причисляла, значит, что-то тут нечисто. Либо предлагаемая нагрузка достойна эпитета «немыслимая», либо с классом что-то не так.

– Актеллий Денебович... – начала она.

– Господин ректор, – мягко поправил ее старик.

– Господин ректор, – кивнула Марина. – Давайте начистоту. Почему никто не хочет брать этот класс? И почему вы готовы взять учителя МУЗЫКИ в магическую академию?

«Боже, что я несу? Какая магическая академия? Бред ка-

кой-то», – мысленно возвела она глаза к небу. Но увы, даже если все это была странная шутка, приходилось под нее подстраиваться.

Старик замер, задумчиво глядя на девушку и кусая губу. Он явно не хотел раскрывать всю правду. Марине пришлось немного надавить.

– Я не собираюсь даже задумываться о возможности работать здесь, пока мне не предоставят полную информацию обо всех «подводных камнях», – поставила его перед фактом девушка.

– Справедливо, – кивнул мужчина, вынужденно соглашаясь. – Ну, хорошо, давайте начистоту. Вы знаете, кто такие магики?

Марина отрицательно покачала головой. Откуда ей было знать о неизвестных «магиках», если она и о существовании этого мира узнала всего час назад? И так пока до конца и не поверила, все еще надеясь, что это просто реалистичный сон.

– Магики – это собирательное название природных магических рас, – пояснил ректор. – Иначе говоря, магики – это нелюди.

Мужчина поднялся и принялся неспешно ходить туда-сюда по кабинету, перейдя на менторский тон:

– Для обычных людей обучение магии – сложный процесс. Людям магия дается тяжелым трудом. Сильные маги – большая редкость. Магики же обладают природными способностями. Для них использовать тот или иной род магии – так

же легко, как дышать.

– И зачем им тогда учиться в академии? – не поняла Марина.

– Магикам в целом, пожалуй, что и не нужно, тут Вы правы, – кивнул ей ректор. – Но, видите ли... Некоторое время назад в соседнем государстве случилась война на религиозной почве. И к нам попало множество беженцев. В основном, как раз, магигов. Часть из них – сироты. И им будет крайне сложно устроиться в этом мире, не имея ничего за спиной. Диплом Академии даст им хоть какой-то шанс.

– Ну так выдайте им этот диплом, – пожалала плечами Марина. – Раз они и так все умеют, чему их учить?

– Во-первых, диплом – это документ государственного образца. Он просто так не выдается, требуются определенные формальности. В том числе и экзамен хотя бы по одному предмету, – укорил ее ректор. – А во-вторых, по какому предмету мне прикажете аттестовать магигов? У них же у всех разные способности! Один слышит голоса деревьев, другой – безупречен в бою. Их ничто не объединяет. Ваш предмет – музыка – едва ли не единственная область, в которой я могу аттестовать всех за один экзамен.

– То есть, это все-таки формальность, – кивнула Марина. – Тогда я тем более не понимаю, почему Вы не можете так же формально нанять кого-нибудь из местных музыкантов, поддержать детей год-другой и выдать дипломы.

– Потому что за год-другой они разнесут мне всю Акаде-

мию, – не выдержал старик. – Марина Игоревна, Вы же опытный педагог. Вы должны понимать, насколько важно настоящее ОБРАЗОВАНИЕ. Мало дать детям знания, их нужно превратить в ДОСТОЙНЫХ ЛЮДЕЙ. Дипломы выдать мы им и в колонии могли.

– В колонии? – уцепилась Марина за новое слово, резанувшее слух.

– Колонии для несовершеннолетних преступников, – признал ректор, поняв, что проговорился.

– Бог ты мой, – Марина прикрыла глаза рукой. – Чем дальше, тем хуже.

– Мариночка, дорогая, – обратился к ней старик, будто надеясь прикинуться ее дедушкой. – Вы их последний шанс. Ну хоть на пару месяцев. Ребят уже привезли, Учитель нужен здесь и сейчас. Первая проверка уже через два дня. Мне некогда бегать по иным мирам и испытывать госпожу Судьбу на прочность! И артефакты телепортов, знаете ли, не дешёвые.

Она упрямо покачала головой. Вот уж стоимость артефакта, выкравшего ее из родного мира – это точно не аргумент.

– Да вы только попробуйте! – не сдавался ректор. – Они хорошие ребята, честное слово.

– Хорошие ребята в колонию не попадают, – возразила Марина.

– Зато в безвыходную ситуацию, которая заканчивается колонией – запросто, – заметил ректор. – И Вам же все рав-

но некуда деваться. Магические флуктуации между мирами полностью утихнут только к завтрашнему дню. Я, конечно, могу активировать телепорт и прямо сейчас, но риск для Вас быть разнесенной по кусочкам по бесконечному множеству миров крайне велик. Сомневаюсь, что это приятная смерть.

Марина не ответила. Ее вдруг резко покинули силы, как часто бывало с ней в последнее время из-за стресса. Захотелось прилечь на пол, тупо уставиться в одну точку и пролежать так несколько часов – как раз пока не успокоятся те самые «флуктуации». С ней и раньше такое бывало, но последние годы – все чаще. Как будто это бессмысленное лежание на полу могло помочь ей скрыться от проблем.

Впрочем, у этого состояния был и плюс: ей стало плевать на странности вокруг и тот факт, что завтра она, похоже, прогуляет рабочий день в самый аврал учебного года и крупно вляпается.

– Давайте сходим до учебного корпуса, – предложил ректор, не дождавшись от нее ответа. – Вам все равно нужно где-то ночевать. А там есть уже обставленная комната. Не будете же Вы спать в этом кресле, верно?

Девушка покосилась на свой кожаный трон. А почему бы и нет? Удобный и надежный предмет мебели. Она в нем уже пригrelась. Сон это или не сон, но возможности выйти в Интернет здесь нет, а значит, и шанса сдать отчеты вовремя – тоже. Если только через собственный труп, чего не хотелось бы. А раз шансов закрыть год без нагоняя нет, то какой

смысл себя пилить?

«Надо расслабиться и забыться», – подумала она.

Кресло было отличное, а недосыпа за последний месяц у Марины накопилось часов на пятьдесят. Поспать – лучшее применение имевшихся у нее суток. Хоть нервничать не будет в ожидании нагоняя от завуча.

– Марина Игоревна, ну всего один урок, – завел свое ректор. – Ребята ждут, я не могу их разочаровать.

– Так проведите его сами, – с трудом найдя силы для вдоха, вяло предложила девушка. Дурацкая апатия наваливалась с неотвратимостью лавины, делая мир вокруг серым, а попытки что-то в нем предпринимать – бессмысленными.

– Не могу, – поморщился старик. – Дети не должны знать, что ректор – тоже человек.

Марина вздохнула. Конец года, министерские проверки, дежурство на экзаменах, выставление оценок, чертовы прогульщики, которых надо как-то аттестовать, и возмущенные «четверками» родители, которым надо как-то вежливо объяснить, что их дети – увы, не гении, как бы им о том не мечталось. И в разгар всего этого ее на сутки выдергивают неизвестно куда!

Да хоть двадцать раз эта академия волшебная, неужто нельзя было дожидаться отпуска?

«Как же я устала от всех этих незапланированных работ, – мысленно вздохнула она, но в реальности даже не шевельнулась – тело будто отяжелело. – Эх, надо что-то делать с

нервами».

Марина уже несколько дней пребывала попеременно то в слезной истерике, то в ступоре, чувствуя, что не справляется с нагрузкой. И второе было предпочтительнее – не лез никто с заботливым «Девушка, Вам плохо?». Нет, блин, хорошо, просто крыша едет чуток!

«Тихо, тихо, – успокоительно зашептал внутренний голос. – Не ругаемся на воображаемых людей, держим себя в руках. Вокруг творится какая-то дичь, так что лучше не будем на нее реагировать, ладно? Пусть само как-нибудь рассосется, а последствия уж как-нибудь разгребем, не впервой».

– ... дети войны, поставленные в невыносимые условия, – продолжал тем временем давить на жалость ректор, не подзревая, что сил на эту самую жалость у Марины уже нет, как и вообще хоть каких-нибудь эмоций. – Их презируют и им же завидуют. Их хотят использовать, но не желают ставить в один ряд с людьми.

Марина пару раз медленно моргнула. Смысл слов ускользал от нее. Хотелось просто сидеть и смотреть в одну точку, а ректора – поставить на паузу.

Не знавший о ее мыслях старик грустно улыбнулся и продолжил:

– Вы не смотрите, что они только что из тюрьмы. Как бы странно это ни звучало, но колония – лучшее, что с ними могло случиться. Там их хотя бы кормили все эти годы, занимали простецким трудом. Но теперь они один за другим

становятся совершеннолетними, и начальник колонии больше не может заботиться о них. Улица и голод – вот все, что им светит без связей и образования.

Ректор подошел ближе, поняв, что она практически не слушает его.

– Помогите мне вывести их в люди. Оставайтесь у нас, – перешел он на доверительный тон. – Я читал о некоторых сложностях Вашего мира, в том числе в сфере образования. Здесь все не так. Здесь Учитель – это почетное звание. Человек, которого уважают. И каждый ученик понимает, что, не слушая Ваших указаний, он сам себе роет яму.

Марина невольно задумалась: какие потрясающе невероятные вещи говорит этот старичок. Наивный. Миры, может, и разные, а вот дети везде одинаковые.

Ректор заметил ее чуть более живую реакцию, слегка улыбнулся и снова сменил тон – на бодрый и поддерживающий.

– Не бойтесь этих ребят, – сказал он. – Да, их когда-то осудили. Кого-то – за воровство хлеба. Кого-то – за то, что отбиваясь от хулиганов, переломал им кости своей недюжинной силой. Кого-то и вовсе за слишком острый язык, который он не сумел удержать за зубами. Но у каждого должно быть право на ошибку. И право на ее исправление. Предоставьте им это право.

– Я не справлюсь, – уверенно отказала Марина. – Не с такими детьми.

– Справитесь, – заверил ее ректор. – Только Вы и справитесь.

– Они не будут меня слушаться. О чем вообще речь? – фыркнула она.

– Это их проблемы, – отмахнулся ректор.

– Я не знаю ваших программ и не знакома с местной культурой, – напомнила девушка.

– Значит, рассказывайте о своей, – невозмутимо ответил старик. – Пожалуй, так будет даже лучше.

– Но...

– Полный пансион, хорошая зарплата, уважение и возможность начать карьеру с чистого листа, – перебил ее ректор. – Целое крыло в Вашем распоряжении, и никто – даже я – не будет вмешиваться в учебный процесс. Работайте так, как сочтете нужным. А если вдруг что не так – у нас найдется еще пара-тройка телепортов.

– А как же...

– Марина Игоревна, Вы сначала попробуйте. Нет ведь ничего дурного в том, чтобы попробовать, верно? Всего одно занятие, и если Вы откажетесь, я и слова не скажу. Идемте-идемте, мне надо успеть Вам все показать прежде, чем начнется урок, – ректор взял ее за руку и потянул из кресла.

– Как урок? – Марина тряхнула головой: неужто настолько ушла в себя, что на автомате на что-то подписалась? – Я не готова!

– Они тоже, – как ни в чем не бывало улыбнулся старик,

открывая ей дверь. – И этим надо пользоваться. Если оставите их надолго без внимания, они успеют придумать какую-нибудь пакость. Ни в коем случае нельзя терять инициативу. Первое занятие назначено на шесть вечера – по расписанию вечерней школы. Ребят уже предупредили, они будут ждать.

– Но у меня же нет программы, – напомнила она, увлекаемая по коридору. – Какая тема урока?

– А какую хотите? – отозвался ректор. – Любая подойдет. Можете просто знакомство устроить. Дело ведь не в теме, а в том, чтобы показать, кто тут главный. Вы, главное, построже. Не заигрывайте с ними.

– Что Вы имеете в виду? – нахмурилась Марина, уже выходя из административного крыла.

– Женскому сердцу обычно жалко сирот, – пояснил ректор. – А Вы не поддавайтесь этому. Учительская любовь – это указка и розги.

– Физическое наказание? Пф. Лучший способ научить ребенка лгать и выкручиваться, – грубовато ответила Марина, словив личный триггер и даже немного взбодрившись из-за этого. – А еще – признак родительского или учительского бессилия.

– Хорошо, используйте свои методы, – кивнул ректор, увлекая ее по тропинке куда-то в густые заросли кустарника. – Мне без разницы, как Вы будете действовать, лишь бы хоть какие-то результаты были. Пригнитесь, тут ветки силь-

но разрослись.

Марина послушно пригнулась, недоумевая, почему от административного корпуса до учебного крыла следует идти через кустарник – от крыльца в разные стороны вели вполне себе качественные дорожки, выложенные камнем. Но ректор, видимо, боялся потерять инициативу и тащил ее кратчайшим путем. Как будто вид учебного крыла мог как-то повлиять на ее отношение к происходящему.

И действительно. Черное одноэтажное здание, показавшееся спустя десять минут быстрой ходьбы, несколько ее не впечатлило. Несмотря на большой размер, оно заросло травой и кустарником со всех сторон. Деревянная пристройка у входа рассохлась и покосилась, а рамы выглядели так, словно их сто лет не подкрашивали. Еще и створки не везде плотно примыкали друг к другу.

– Это что, учебный корпус? – ужаснулась она. – Да тут зимой насмерть замерзнуть можно!

– До зимы еще далеко, придумаем что-нибудь, – отмахнулся ректор, явно довольный тем, что она уже начала привыкать к этому месту. – Только-только лето началось, новый набор зачислили. Зато весь корпус – Ваш. Можете делать в нем, что хотите. Мы его списать хотели. Но... Первый учебный корпус Академии, историческая ценность, Вы же понимаете.

– Из исторических ценностей надо делать музей, а не учебный класс, – возразила Марина, но на обшарпанность

здания глянула уже совсем другими глазами. Действительно, в качестве музейного экспоната строение выглядело довольно интересно – уникальная смесь средневекового замка готической архитектуры и чего-то вроде русской дворянской усадьбы.

– Сделаем, – пообещал ректор, открывая перед ней двери. – Комиссию пройдем, и будем думать. Пока Вы мне грозитесь сбежать, как же я могу вкладываться в Ваш класс? Это не частное предприятие, а государственное учреждение. За нецелевое использование средств меня по головке не погладят.

– Понимаю, – кивнула Марина, вошла здание и... влюбилась.

Все здесь дышало древностью и уютом. Коридор не был чист и стерилен, как в привычных ей школах. На каменном полу слоями лежали пыльные ковры, по стенам жались покоренные в бою старинные доспехи, висели потрескавшиеся от старости портреты, стояли на подставках красивые вазы.

Тут и там, где возможно, были установлены шкафы, полные наградных кубков и каких-то памятных сувениров. Стены не были ровными – они изобиловали большим количеством ниш и отнорков, заполненных старинной утварью. В отнорках были окна, и коридор не был слишком уж мрачным, хотя свечи не горели. Но приятный полумрак навевал мистическое настроение.

«Натуральный дом с привидениями», – с восхищением

подумала Марина, замерев при виде затянутых паутиной люстр.

– Мы использовали это место как склад, – пояснил ректор, похлопав по огромному чучелу птицы, похожей на страуса. С чучела во все стороны полетела пыль. – Завтра же велю все отсюда выбросить. Вряд ли нам еще когда-нибудь понадобится это барахло.

– Не надо! – неожиданно сказала Марина, вставая на защиту музейной ценности. – Это то, что нужно для уроков искусства. Очень похоже на старый театр.

– Театр? – ректор поднял брови и по-новому оглядел интерьер. – Да, действительно похоже. О, а вон там учебный класс.

Они вошли в просторное и светлое помещение. Одну стену заменяло собой огромное витражное окно с цветочными мотивами, и вечернее солнце расцветчивало все вокруг разноцветными бликами. На другой стене была школьная доска – в прямом смысле доска, рассохшаяся и шершавая. Точнее, даже несколько досок, плотно состыкованных друг с другом.

Перед доской была небольшая деревянная кафедра, украшенная резьбой. А напротив нее амфитеатром уходили к потолку противоположной стены старинные парты с откидными крышками и скамейками. На самом верху посреди прохода раскинулся огромный фикус в глиняной кадке, добавляя уюта.

В отличие от деревянной пристройки снаружи, вся мебель

внутри была покрыта темным лаком и хорошо сохранилась. Только пол был заляпан и прожжен, будто на нем проводили химические опыты, но это была ерунда.

– Нравится? – улыбнулся ректор, заметив ее восхищение. – Здесь еще лаборантская большая – четыре на пять метров. И тоже витраж аж на две стены. Правда, боюсь, придется Вам в ней пока жить. Видите ли, остальные преподаватели – исключительно мужчины. А селить Вас вместе с кастеляншей как-то нехорошо.

– Я буду ночевать прямо в Академии? – удивилась Марина.

– Да, а что Вас удивляет? – пожал плечами ректор. – До города далеко. Ездить – особенно в дурную погоду – затруднительно. Поэтому мы все живем здесь – и ученики, и преподаватели. И Ваших ребят тоже заселят в это крыло. Собственно, уже должны были заселить. Слышите шум?

Марина прислушалась. Действительно, с улицы доносился характерный гомон – как будто где-то в отдалении дурачилась пара десятков молодых людей.

– Ах да, вот список класса, – ректор вынул из кармана свернутый трубочкой желтоватый лист. – Четыре девочки и четырнадцать мальчиков.

– А почему такой перевес? – удивилась Марина, одновременно облегченно вздохнув: когда ей сказали «класс», она представила ровно тридцать человек. Восемнадцать – это уже гораздо легче. Пожалуй, один урок и правда можно про-

вести, раз уж все равно застряла тут.

– Что Вы имеете в виду? – удивился ректор.

– Ну, почему так мало девочек? – уточнила она.

– Да я бы сказал, многовато, – фыркнул ректор. – У нас до сих пор на всю Академию всего одна ученица женского пола была.

Марина удивленно вздернула брови.

– Ну, а что Вы хотите, – пожал плечами старик. – Мы принимаем только с шестнадцати лет, к этому возрасту девочек обычно уже замуж выдают. Да они и сами не рвутся учиться. Но девочек-магиков выдать замуж сложнее, потому в Вашем классе их аж четверо.

Марина только покачала головой: похоже, здесь царили средневековые порядки и заблуждения.

– Ладно, – сам себя прервал ректор. – Вы, давайте, осматривайтесь, готовьтесь. А я пойду напомним сторожу, чтобы в шесть подал сигнал к началу занятий. Да, вот ключи от лаборантской.

Ректор кивнул на неприметную дверь сбоку от классной доски и протянул Марине красивый резной ключ.

– Приятной Вам работы, – подытожил он. – Распоряжайтесь здесь в свое удовольствие. Постельное белье и прочие мелочи получите у кастелянши. Ее можно найти в пристройке за административным корпусом. Если что сломается – обращайтесь к сторожу, он на все руки мастер. Живет в избушке у главных ворот. Если возникнут вопросы по учебной ча-

сти – это к господину Тельпе. А продукты доставят к вечеру. Что-нибудь еще нужно?

– Нет... То есть, не знаю пока, – растерялась Марина.

– Да-да, понимаю, – закивал ректор. – Ну ладно, не буду мешать. Осматривайтесь.

Старик договорил и торопливо удалился, пока она не спохватилась. И только оставшись в одиночестве, Марина сообщила, что вообще-то не соглашалась на эту работу. Ее подло заговорили, завлекли и оставили один на один с учительским долгом и практически без ничего.

Девушка непроизвольно позавидовала таланту ректора. Профессионально работает старичок, однако, ей бы такие способности.

– Ладно, – кивнула она своим мыслям. – Один урок – и все. Я ничего никому не обещала.

Глава 3.

Готовясь к уроку, Марина ощутимо нервничала. Тему решила не брать никакую. Раз программы здесь нет, и всем на это плевать, то нет и смысла высасывать тему из пальца. Без подготовки всегда можно провести знакомство: представиться самой, сказать пару общих слов о предмете, поговорить с ребятами. Ну, если время до конца урока останется, возможно, еще разучить что-нибудь, вроде «Изгиб гитары желтой».

«Или «Владимирский централ», - ехидно подсказал внутренний голос, но Марина отмахнулась от этой идеи.

Марина тряхнула головой и оглядела новую аудиторию свежим взглядом. Если верить ректору, то ей предлагалась Свобода. Право быть настоящим Учителем, а не винтиком в системе и обслуживающим персоналом детей. И место это ей все больше и больше нравилось.

Аудитория была огромной – не в пример больше стандартных классов, особенно в высоту. Звук летел в ней хорошо и возвращался приятным эхом. Вот только инструмента не было. Никакого. Забыв, что собиралась провести всего один урок, Марина на автомате подумала, что надо бы обговорить этот вопрос с местным завучем.

Посетив «лаборантскую», она восхитилась еще больше. Расцвеченная разноцветными бликами от витража, комната была полна старинных вещей. Книги, статуэтки, шкатулки

и прочие вещи, назначение которых Марина определить затруднялась, какие-то механические приборы.

На одном рабочем столе громоздились отполированные пузатые котелки, тигли, пробирки и весы с крошечными гирьками. На другом стояла покосившаяся стопка бумаги и теснились письменные принадлежности и подсвечники. В углу приятно постукивали огромные напольные часы – и когда их успели завести? – а на пестром тканевом диванчике и под ним валялись милые подушки с кисточками.

Марина примерилась к диванчику. Для сна он не предназначался, но если не вредничать, то можно и поместиться. А вон то покрывало выбить от пыли и превратить в одеяло. Один стол можно сделать обеденным. А вон из той алхимической бредятины соорудить примус и греть на нем чайник. О, а вот и камин. Да тут и правда можно жить!

Пока девушка бродила от вещи к вещи, пытаясь представить, какому чудаку принадлежало прежде это запыленное помещение и какая часть вещей перекочевала сюда уже после закрытия корпуса, с улицы донесся звон колокольчика. Судя по звуку, колокольчик был размером с кастрюлю, не меньше, и звучал довольно уныло. Это что, сигнал к началу урока?

Марина бросила беглый взгляд на часы. Действительно, без пяти шесть. Как быстро пролетело время! Она метнулась к зеркалу и принялась лихорадочно оправлять одежду. Первое впечатление – это очень важно. Тем более, при работе с

«трудными».

Беспокоилась девушка не зря: платье-карандаш успело испачкаться в пыли в области колена, к туфле прилипло перышко от чучела, очки покосились, а прическа после прохождения через портал и вовсе представляла собой птичье гнездо.

Оправившись, Марина выпрямила спину и прислушалась. Гул юношеских голосов ощутимо усилился. За спиной часы пробили шесть, пора было выходить.

«Да пребудет со мной педагогическая сила», - пошутила Марина, чтобы поднять свой дух, и шагнула в класс, готовясь встретить...

Никого. Никого в аудитории не было, если не считать фикс, который как будто пялился на нее с верхней ступеньки амфитеатра. Шум и крики доносились из окна, которое она по правилам СанПин открыла для проветривания.

«Опаздываем, значит. Ну, ладно, - Марина сжала зубы и поморщилась. – Мы это уже проходили. Мир другой, а проблемы все те же. Ждете, что я побегу за вами, как клушка? Не дождетесь. Досижу до конца урока и с чистой совестью вернусь в кабинет ректора. Пусть отправляет меня домой».

Марина хотела было сесть лицом к двери, приняв угрожающую позу, чтобы встретить прогульщиков, как подобает, но обнаружила, что стул отсутствует. Планировка помещения вообще не предполагала подобной мебели. Для отдыха был диванчик в лаборантской, а в аудитории полагалось стоять

за кафедрой либо степенно прохаживаться вдоль доски.

«Хм», - нахмурилась Марина. Встречать опоздунгов стоя было, конечно, довольно эпично. Но неизвестно, сколько времени они еще будут «гулять». Возможно, целый урок – и такое в ее практике уже бывало. А возвращаться, скорее всего, будут не скопом, а по одному либо парочками. И что, все сорок минут стоять в напряженной позе, сурово глядя на каждого входящего? Бред!

Марина прошла к окну и выглянула наружу. Сквозь заросли кустарника смутно угадывались человеческие силуэты. Возгласы были радостными, азартными и как будто подбадривающими – как на петушиных боях. Больше того, среди них отдельной нотой слышались боевые крики – почему-то женские – и редкие, но продирающие до костей возгласы боли. Они там что, убивают кого-то?!

Марина подорвалась с места прежде, чем успела обдумать, что делает. На бешеной скорости миновала коридор, вылетела из дверей, метнулась к молодежи и сходу протаранила кружок «болельщиков».

В центре круга две здоровенных мускулистых девицы старательно избивали сжавшегося в комок пацана лет шестнадцати. Тот уже не сопротивлялся, только прикрыл голову руками и прижимал колени к животу. Костяшки пальцев были сбиты в кровь, а одежда - порвана. Похоже, пацан был жив лишь потому, что агрессивные девицы не могли решить, кого им хочется избивать больше – его или друг друга.

- А ну, стоп! – Марина, не задумываясь, нырнула в центр действия и обеими руками оттолкнула девиц в стороны. Точнее, попыталась это сделать. С таким же успехом можно было разнимать двух дерущихся десантников. Но, к счастью, эффект неожиданности, похоже, слегка отрезвил одурманенных яростью спорщиц, и те устали на нее, замерев с отведенными для удара кулаками и решая: бить или не бить?

- Прекратить! – рявкнула Марина, чувствуя, как сердце у нее ухнуло в пятки – девицы были на две головы выше, в десять раз мускулистее и с легкостью могли ее прикончить. Надо было срочно сбить с них боевой запал! – Почему не на занятиях? Что за внешний вид? Где домашка?

Последний вопрос, пришедший в голову скорее на автомате, почему-то возымел самый лучший эффект. Девицы нахмурились, размышляя, где же их домашка и что это вообще такое.

Торопясь воспользоваться этой паузой, Марина спешно выбралась из зоны атаки, а затем вытащила оттуда и пацана, который, к счастью, и сам торопился убраться подальше от своих потенциальных убийц. Толпа чуть разошлась, освобождая для них место.

- Живой? – спросила Марина, взяв его за щеки и оглядев.
- Живой, - ощерился в счастливой улыбке поцарапанный и побитый пацан. А Марину пробило холодным потом: улыбка была акулья, с острыми треугольными зубами, а из головы парня росли два крепких рога.

Она торопливо убрала руки и отшатнулась назад, но налетела на кого-то. Обернулась и увидела еще одну ухмылку из-под капюшона. На этот раз вампирскую. Толпа молодых людей перегруппировалась и окружила ее, обмениваясь ехидными взглядами и как будто что-то планируя. Все выглядели гораздо старше не только восьмиклассников, но и двенадцатиклассников. Один вообще тянул на все тридцать.

Марине стало нехорошо. Но демонстрировать свою слабость было нельзя – этому ее научил первый год в школе, полный слез в учительской и укоризненных советов старших коллег.

- А ну, прекратили мордобой и марш на занятия, - еще не совсем уверенным голосом велела она, торопливо отыскивая в пятках ухнувшее туда сердце.

- Ты кто такая? – нагло спросил ее другой парень – без проблем с зубами, но с противным брезгливым выражением лица.

- Ваш новый учитель, - уже хорошо поставленным, годами тренированным тоном ответила она, пряча струхнувшую душу за этой маской, как за каменной стеной. - А теперь быстро все в класс!

- А то что? – хмыкнул наглец, и остальные довольно гыгыкнули, готовясь узреть, как сядет в лужу эта маленькая смешная учительница.

Марину обдало волной злости. О, как она ненавидела этот вопрос! «А Вы мне что?» - говорили на разные лады и заби-

тые дети алкоголиков, и золотая молодежь, и ей вечно нечего было ответить. «А что я могу сделать?» - отвечали завучи, родители и директора, когда она переадресовывала этот вопрос им.

В прошлом мире ни она, ни другие взрослые не могли сделать ничего. Потому что дети – пуп земли. Их нельзя выгнать из класса (ограничение в праве на образование!), нельзя наорать и высказать, что на самом деле думаешь (психологическое давление!), нельзя пожаловаться родителям, класруку или завучу (точнее, можно, но бесполезно), нельзя поставить плохую отметку (отчетность испортишь – «троек» по музыке не бывает!) и нельзя треснуть чем потяжелее (совсем ай-ай-ай!).

Дети это все прекрасно понимали – по крайней мере, подростки – и нагло пользовались, зная, что ничего им за это не будет и можно издеваться над учительницей как угодно: в самом страшном случае вызовут к директору, который тоже ничего им не сделает. А здесь...

А здесь, если верить ректору, все это можно. И из класса выгнать, и отлупить. Если догонит. Но есть ли смысл?

- Так что вы нам сделаете? – нагло повторил пацан, всем своим видом показывая, что не боится не только ругани, но и порки розгами – уж слишком хилой показалась ему учительница.

Но на этот раз впервые в жизни у Марины был ответ.

- Да ничего, - хмыкнула она, довольно сложив руки на гру-

ди. – Домой вернусь. Сдались вы мне с таким непослушанием. Не хотите учиться – не надо. Возвращайтесь в свою колонию или на все четыре стороны. Приятно было познакомиться.

Она развернулась и с легким сердцем пошла в сторону административного крыла. Внутри у нее пузыристо бурлило и радостно пощипывало удовлетворение. Впервые она смогла ответить на этот гадский вопрос «А Вы мне что?». Господи, стоило провалиться в преисподнюю с рогатыми демонами только ради того, чтобы закрыть этот гештальт!

Глубокое чувство отмщения за поруганную учительскую честь заполнило все ее существо до самых краев. Даже апатия куда-то улетучилась, и захотелось идти вприпрыжку, как в детстве. Лучше было бы, только если б ситуация повторилась с каждым наглым подростком, кто хоть раз ставил ее в тупик этим вопросом. Тогда Марина, наверное, даже полетела бы на крыльях облегчения.

- Эй, Вы не можете! – возмутился парень и даже дернул ее за плечо.

- Я? – хмыкнула Марина, развернулась и с демонстративной брезгливостью отряхнула плечо. – Я-то как раз могу. Это ВЫ не можете, дорогие мои преступнички. Вам дали шанс, вы им не воспользовались. Всем до свидания! Я возвращаюсь в свой мир.

Она снова повернулась и даже успела сделать несколько шагов, когда ее окликнул совсем другой голос – низкий и

куда более серьезный.

- Эй, подождите! Мы всё поняли. Вернитесь, пожалуйста.

Марина остановилась и вздохнула. Ну вот, а она только было обрадовалась избавлению от подозрительной работы. Но увы, учительская совесть тут же потребовала вознаградить детей за попытку работы над ошибками.

Помрачнев и как будто снова отяжелев, Марина взяла себя в руки, задавила в зародыше чувство разочарования, развернулась к напряженно замершим лицам и сказала:

- Первый и последний раз. Еще одно опоздание – и вы здесь больше не учитесь. И да, меня зовут не «Эй!», а Марина Игоревна.

Глава 4.

Урок музыки, дубль второй.

Марина подождала, пока последний силуэт скроется в дверях аудитории, оправилась и вошла, думая только о собственной осанке. Сосредоточенность на мелких деталях всегда помогала ей засунуть поглубже свой страх. И тем не менее, стоило ей дойти до кафедры и окинуть взглядом «класс», как внутри что-то скрутилось и захотелось в туалет.

Господи, кого тут только не было! Зубастые, бородатые, рогатые, длинноухие, чешуйчатые. Один вообще походил на блевотного вида лужу, по какому-то недоразумению принявшую человеческую форму. Они расселись максимально свободно – почти каждый занял отдельную парту – и все равно средний размер тела был таков, что помещение мигом заполнилось и едва ли не затрещало по швам. А уж какой установился «аромат»...

- Ну-с, начнем, - с деланной невозмутимостью сказала Марина, раскатала свиток со списком класса... и уставилась на неизвестные закорючки. Отдаленно они напоминали буквы. В начале каждой строки было даже нечто, явно заменявшее цифру. Но на этом ассоциации заканчивались.

Марина мысленно выругалась. Ей еще в первый момент появления в этом мире показалось, что она говорит на другом языке. Но так как этот язык отчего-то воспринимался

как родной, она не обратила внимания на этот факт – были дела поважнее. Похоже, артефакт, забросивший ее сюда, дал способность понимать чужую речь. Но не письменность.

- Кхм, - она прочистила горло, торопливо меняя план действий. – Давайте-ка вы представитесь, а я запишу имена.

Она взяла перо и макнула его кончик в чернильницу. В своих способностях красиво писать пером и чернилами Марина сомневалась. Но, к счастью, кафедра была устроена так, что загораживала от учащихся содержимое листа.

- Ну-с, давайте по рядам, - кивнула она, приготовившись. – Молодой человек, поднимитесь и представьтесь.

Из-за парты поднялся потрясающе красивый парень с фиолетовыми косичками, собранными в хвост и украшенными деревянными бусинами. Он чуть насмешливо улыбнулся и представился:

- Шерман.

Марина подождала немного, но продолжения не последовало. Тогда она уточнила:

- А фамилия?

- Просто Шерман, - пожал плечами красавчик.

- Ладно, садись, «Просто Шерман», - сказала она, начиная заполнять новый столбик. На первое время и так сойдет. Главное, что они не начали говорить всякую ерунду, вроде имен персонажей популярных фильмов или матерные слова – было в ее практике и такое. Впрочем, возможно, в этом мире были свои культовые личности. Главное было не пода-

вать вида, что она растеряна и не может сличить имена со списком.

- Следующий! – велела Марина.

Из-за второй парты поднялся серьезный парень. Точнее, даже мужчина лет тридцати – с густой гривой золотисто-медных волос и опрятной бородкой. Марина немного смутилась: может, вместо ребенка пришел чей-то родитель? Впрочем, они вроде как сироты... Ай, ладно, потом уточнит у завуча, что это за ерунда.

- Ксавьер, - приятным баритоном представился мужчина и сел обратно, сразу потеряв к происходящему всякий интерес. Марина кивнула и торопливо записала. Все-таки не родитель.

Стоило ей только поднять голову, как из-за третьей парты пружинкой вскочило маленькое очаровательное создание – девочка лет десяти-двенадцати в кружевном платье, вся в россыпи золотистых кудряшек. Из густой гривы торчали премиленькие острые ушки. Хм, а ректор говорил, что берут только с шестнадцати.

- Флокси, - с радостной улыбкой представилась она. – Я фея.

Договорив, девочка плюхнулась обратно и подперла пухлые щеки ладошками, явно довольная собой, учительницей, новым местом и вообще миром.

- Приятно познакомиться, Флокси, - не смогла не улыбнуться в ответ Марина. Ну, хоть кто-то тут не страшный. Хо-

тя, почти наверняка, не страшное-то большинство. Просто ей с перепугу кажется, что класс полон лютых уголовников.

Из-за четвертой парты медленно поднялся, будто на воздушной подушке всплыл, чешуйчатый черноволосый парень. Он открыл рот и выдал что-то шипяще-непроизносимое.

- Что, простите? – растерялась Марина.

Парень повторил, но понятнее не стало.

- Извините, можно еще раз, никак не разберу, - чувствуя себя крайне неловко, попросила она.

Парень цыкнул, возвел глаза к потолку, но послушно сказал:

- Можно просто Шессер.

- Да, хорошо, - слегка покраснев, сказала Марина и торопливо записала, пока не забыла. Видимо, перед ней был представитель какой-то другой национальности со своим языком, плохо воспринимающимся на слух.

- Следующий, - сказала она, глянув на пятую парту. За ней кое-как уместилось шкафоподобное существо, как будто слепленное из глины. Оно ничего не ответило и вообще как будто не слышало вопроса.

- Зовите его Гора, - смиростивился красавчик с первой парты. – Он голем. Тупой, как то, из чего сделан.

- Кусок дерьма, - гыгыкнул кто-то, смачно охарактеризовав внешний вид одноклассника.

- А ну, цыц! – повысила голос Марина, записывая новую

кличку. – Никаких оскорблений в стенах этой аудитории. Второй ряд!

- Уильям Цеперти, - даже не соизволив встать, представился вальяжный мерзкий парень, что нагрубил ей еще во дворе.

По аудитории пролетела волна иных вариантов его имени – сплошь нецензурных, но в этот раз на такой неуловимой громкости, что поймать хоть кого-нибудь на нарушении запрета не удалось. Похоже, в отношении этого наглеца класс был солидарен с учителем, и Уильяма здесь не любили. Возможно, за то, что он тут, похоже, был единственным человеком – в смысле, человеческой расы. Потому и вел себя так вальяжно: чувствовал свое национальное превосходство.

- Следующий, - сказала Марина, записав новое имя.

- Амадеус, детка, - томно представился еще один обладатель остроклыкастой улыбки, эротично прикусил губу и помахал ей... хвостом.

- Еще раз такое ляпнешь, и можешь быть свободен, - холодно отрезала Марина. Со влюбленностью в учителя она сталкивалась уже не раз и не придавала этому особого значения: само всегда проходит. Но тут была явно иная ситуация, требующая как минимум ведра ледяной воды на голову начинающему пикаперу.

Демон разочарованно поморщился, но спорить не стал.

За следующей партой сидели сразу два крупных клыкастых существа. Похожие друг на друга, как две капли воды,

они отличались только полом. По крайней мере, Марина сделала такой вывод, потому что левое существо было ярко накрашено и обряжено в платье. Второе существо было одето по-мужски и коротко острижено, почти побрито. И хоть Марина не разбиралась в здешней моде, оно производило необъяснимое впечатление гопника.

- Кассандра, - представилась гипотетическая «девочка». – А это мой брат, Ёж.

«Гопник» показал приветственный кулак, подтверждая принадлежность имени. Марина кивнула и записала, окончательно убеждаясь, что как минимум половина класса ее дурит и представляется надуманными именами либо кликухами, ведь одни родители не могли дать два настолько разных имени своим отпрыскам.

За следующей партой тоже сидела парочка – те самые боевые девчонки: красивые, но страшные.

- Кристел, - представилась одна.

- Бристел, - почти в то же время сказала вторая.

Марина торопливо записала. Вот это уже звучало, как нормальные имена. Да и девушки, не смотря на опасный вид, производили впечатление серьезных личностей и не стали бы ее дурить.

Второй ряд, как и первый, закончился пустой партой, и Марина перевела взгляд на третий, но тут же словила очередную порцию неприятных ощущений. За первой партой третьего ряда сидел бледный клыкастый парень в рясе сата-

ниста и кривым ножом выцарапывал на лаковой поверхности пентаграмму. И хоть Марина не умела читать местные буквы, она вдруг отчетливо поняла: в центре «магического знака» - матерное слово.

- А ну, прекрати портить школьное имущество! – потребовала она, метнувшись к вампиру и схватившись за рукоятку ножа.

- Эй, он ритуальный! – возмутился парень, пытаясь сохранить свою собственность.

- Да хоть наградной, - вспыхнула в ответ Марина, не сдаваясь. – Оружие в школе запрещено. Немедленно сдай и пиши объяснительную.

- Чего писать? – не понял он, но нож выпустил.

- Документ на имя ректора с объяснением, как и зачем ты пронес в школу нож и испортил парту, - пояснила Марина.

- Э, а ниче, что они все – ходячие убийцы, а у меня только клыки? – возмутился парень. – Я жить хочу, вообще-то. Мне защищаться чем-то надо!

Марина ничего не ответила, лишь демонстративно постукала по парте, намекая, что пора начинать писать. У нее-то даже клыков не было, так что относительная незащищенность была вовсе не аргументом для разрешения на ношение холодного оружия.

- У меня пера нет, - сдулся вампир. – И бумаги. И чернил.

- А голову ты дома не забыл? – привычно откликнулась Марина бородатой школьной шуткой. Вампир осклабился -

то ли не слышал ни разу эту фразу, и она его насмешила, то ли и правда запросто мог по частям на урок прийти. Кто их знает, этих магиков?

– Кто-нибудь, одолжите ему письменные принадлежности, - сказала Марина.

Но класс лишь обменялся странными взглядами, из чего девушка сделала вывод, что записывать ничего они сегодня не будут, так как явились на занятия с пустыми руками. Ну ладно, их проблемы. Значит, будут учить тексты наизусть.

- Как хоть звать-то? – чуть сбавила тон она.

- Персиваль, - хмуро ответил вампир.

- Наш бледный Персик, - хихикнул кто-то.

Марина кивнула, убирая холодное оружие на полку внутри кафедры. Эх, как хорошо, что здесь не действует закон об охране личного имущества! В прошлом мире ей нельзя было не только забрать какой-нибудь, скажем, телефон, но и вообще взять вещь в руки без разрешения владельца. И «владельцы» нагло этим пользовались, играя весь урок в стрелялки и бродилки, делая видеозаписи из-под парты, а потом выкладывая их в замиксованном виде в интернет.

- Следующий! – перевела она взгляд на вторую парту и наткнулась на того самого спасенного ею демоненка. Парень сидел, источая во все стороны позитив, как радиацию, и острые зубы в его широкой улыбке были видны все до единого.

- Крис! – радостно отрапортовал он, приветственно качнув короткими рождками. – К Вашим услугам!

Ну хоть кто-то тут к ее услугам. Пусть она в них и не нуждается.

Марина перевела взгляд на следующего.

- Леам, - певучим голосом представился еще один более или менее адекватный парень с соломенного цвета волосами и такими вытянутыми ушами, словно недавно праздновал свое пятисотлетие, а одноклассники перестарались с поздравлением именинника. – А за мной Пузырь. И он разговаривать не умеет. От природы.

Парень показал на то самое странное существо, похожее на живую лужу. Лужа булькнула и произвела ротацию плавающих в ней частиц, вызвав у девушки легкий приступ тошноты. Марина торопливо кивнула, записала оба имени с краткими пометками и перевела взгляд на следующую парту, но там было пусто. Нахмурившись, она пересчитала учащихся. Восемнадцать не набралось.

- А где еще трое? – спросила она.

- Все здесь, начальница, - нагло откликнулся хамоватый Уильям с первой парты, разглядывая собственные ногти, как будто только что сделал самый дорогой маникюр.

- Не «начальница», а Калинина Марина Игоревна, - строго поправила она.

- Калина-малина, - тут же долетело откуда-то с дальних рядов, и класс заржал.

«Ну вот, и прозвище появилось. Хорошо хоть, не матерное», - подумала она. Это тоже было вполне ожидаемо. А

ведь каждый новый поток детей думал, что он оригинален в своих шуточках. Ей же эта «Калинка-Малинка» приелась еще в первый год работы.

- Крис, - окликнула Марина.

- Да! – демоненок аж подскочил над партой от шутовского старания.

- Кого я еще не записала?

- Денебу, - подумав, сказал Крис.

- И где он?

- Здесь, - шепнул ей вдруг кто-то в самое ухо.

Марина взвизгнула и, не успев ничего сообразить, сходу применила то, чему много лет назад, еще в студенческие времена, училась на самбо. Руки ухватили чужое тело, дернули его в нужном направлении, и невидимка с грохотом и стоном распластался на заляпанном алхимическими опытами полу, а Марина брезгливо отряхнула ладони, пощупавшие явно обнаженное мужское тело.

Класс при виде такой боевой техники уважительно протянул: «У-у-у». Но Марина этого даже не заметила: испугалась сначала от неожиданности, потом – за целостность невидимого придурка, а потом – за собственную педагогическую репутацию. Шутка ли, так напасть на ребенка! Пусть и великовозрастного.

- Немедленно одеться! – почти в истерике потребовала она, глядя на постанывающий пол.

- Я дух пустынь, мы не носим одежды! – гундосо возму-

тился невидимый некто – похоже, при падении разбил нос.

- А я приличная девушка и не допущу, чтобы ко мне подкрадывались голые мужики! – еще дрожа от адреналинового всплеска и одновременно радуясь, что парень цел, сказала она. – Вон из класса! И не возвращайся, пока не найдешь что-нибудь, способное прикрыть срам.

Сказала и запоздало спохватилась, что из класса детей выгонять уже много лет как запрещено – и из соображений безопасности, и из-за нарушения права на образование. А потом снова спохватилась: это ж другой мир, тут другие правила!

«Ух ты!» - сдержанно порадовалась она этому факту. Эмоциональные «качели» определенно ее сегодня покатали как следует – от паники до радости за несколько секунд и полный спектр разнообразных эмоциональных нюансов. М-да, давно она такого не чувствовала. В последние годы из эмоций у нее были только усталость, уныние да изредка – раздражение.

- А сама-то как одета! – неожиданно возмутился Денеба.

- Поговори мне еще! – вынырнув из мира рефлексии, пригрозила Марина в сторону звука, не поняв, в чем суть претензии, но на всякий случай сделав зарубку в памяти. – Вон отсюда!

Судя по звуку, невидимка сплюнул, но все же потопал куда-то. Скрипнула, открылась и закрылась дверь, и все стихло.

- Кто-нибудь может сказать: он правда ушел? – неловко уточнила Марина.

- Хрен его знает, - откликнулись из аудитории. – Киньте песочек. Если нигде не застрянет, значит, ушел.

Марина песочек кидать не стала, но метод проверки на невидимок запомнила.

- Так, должно быть еще двое, - подозрительно сощурилась она, готовая уже к чему угодно. – Кого я не заметила?

- Дык, Дубок прямо перед Вами, - ехидно хмыкнул вальяжный Уильям.

- Где? – вынужденно спросила Марина, не наблюдая более ничего подозрительного. Может, это кто-то крохотный, типа мальчика-с-пальчик?

Но класс синхронно вытянул руки. Все импровизированные «стрелки» сошлись на раскидистом фикусе, стоящем позади всех парт. Фигус смущенно сжался, и девушка с удивлением различила в изгибах коры черты лица и намеки на человеческую фигуру, только очень тощую.

- Эм-м, - протянула Марина. – Приятно познакомиться... Дубок. А третий кто?

Класс так же синхронно указал в сторону открытого окна. Марина повернула голову и увидела... огромное ухо, прислушивающееся к происходящему. Похоже, его обладатель банально не помещался в аудитории.

Пересчитав всех девочек, Марина методом исключения пришла к выводу, что последнее существо – парень, и громко сказала, невольно обратившись на «Вы» из-за уникальных размеров учащегося:

- Молодой человек, как ваше имя?

Ухо никак не отреагировало. И выглядело так, словно со слухом у его обладателя серьезные проблемы. Марина хотела было подойти, сделала несколько шагов, но тут же споткнулась обо что-то и едва не расшибла нос. К счастью, в последний момент бородатый Ксавьер не совсем галантно, но зато эффективно выставил руку и чуть придержал ее.

Марина мельком поблагодарила его и оглянулась, чтобы понять, обо что такое мягкое споткнулась. А в следующий момент едва не завизжала: на полу возлежала гигантская змеища!

- Ч-что это? – кое-как выговорила она. – Чье это?

- Простите, это мой хвост, - смущенно ответил чешуйчатый Шессер, и «змея» поменяла местоположение, проскользнув между партами. Марина с большим трудом вернула на место ухнувшее было в пятки сердце.

- Следи за своим хвостом, пожалуйста, так недолго и расшибиться, - укорила девушка обладателя змеиного тела и снова обратилась к огромному уху:

- Молодой человек, как вас зовут? – повторно спросила она.

Ухо шевельнулось, но ответа не последовало.

- Как ваше имя? – почти прокричала Марина, подставив руки рупором.

Ухо резко дернулось, отодвигаясь, и в окне стало видно недовольное лицо размером с саму девушку.

- Не кричите, пожалуйста, - вежливо, но холодно попросил оказавшийся в зоне звуковой атаки бородатый Ксавьер.
– Поморник немой, а не глухой.

- Ой, прошу прощения, - искренне смутилась Марина и чуть поклонилась инвалиду. – Я не знала.

Но тот никак не отреагировал, только ухо почесал.

Торопясь замять оплошность, девушка вернулась за кафедру, выпрямилась, вдохнула поглубже и сказала:

- Ну, что ж, раз все на месте, давайте начинать. Приветствую вас на первом уроке музыки.

- Музыки?! – на разные лады донеслось из аудитории.

- Зачем нам музыка?

- Бесполезный предмет.

- Почему не фехтование?

- Кто это придумал?

- Мля, лучше б я в колонии остался.

Классика. Каждый год Марина как минимум шесть раз выслушивала этот поток возмущения: в первом полугодии от восьмых А-Б-В классов, во втором – от девярых. Иногда эту «песню» подхватывала и пубертатная «седьмая» параллель. Поэтому девушка уже не обращала внимания на уничижительную ауру, помня о величайшей ценности любимого предмета.

- Тихо! – остановила она этот поток возмущения. – Хотите, чтобы к вам прислушивались – учитесь прислушиваться сами.

Марина вышла в центр, как на сцену, и приготовилась выдержать ежегодный баттл. Тут девушка была уже в своей стихии.

- Разумеется, порой прочие предметы выглядят куда более презентабельными, - признала она, мысленно подстраивая свою отточенную годами вступительную речь под реалии средневековья. – Математика, фехтование, иностранные языки и что там еще нынче пользуется спросом у родителей – это, безусловно, прекрасные науки... которые вы забудете, как только получите диплом.

Ребята переглянулись и расфыркались – шутка им понравилась.

- Да-да, вы не ослышались, - подтвердила Марина, насаживая на крючок наживку пожирнее. – Школьные знания совершенно бесполезны и нужны лишь затем, чтобы снова и снова тренировать ваши мозги – развивать логику, память, помогать находить взаимосвязи, анализировать, делать выводы и так далее.

Она сделала несколько театральных шагов и продолжила затягивать юные умы в свою ловушку.

- Вам никогда не понадобятся логарифмы в обычной жизни. Но пригодится сформированное ими математическое мышление. Вас никто и никогда не проверит на знание родной литературы. Но она научит вас говорить и мыслить, как успешные люди, позволит не «пролететь» при устройстве на хорошую работу. А музыка...

Марина остановилась и глубоко вдохнула, набираясь вдохновения.

- Музыка – это единственный предмет, который при глубоко изучении разовьет у вас и математическую логику, и умение красиво говорить, и держаться, как аристократ. Музыка – ваш проводник в мир высоких искусств и достойных людей. Она познакомит вас с величием, научит понимать других, раскроет тайны истории. Музыка сделает из вас Личностей. Позволит заглянуть в себя, заставит задуматься, разбудит таланты и поведет к цели.

Марина хотела было патетично указать вдаль, но за окном была лишь голова Поморника и густые кусты. Пришлось просто выдержать театральную паузу. А затем перейти к душевным и сопереживающим интонациям:

- Музыка поможет справиться с бедами. Она заставит выплакаться и почувствовать облегчение, когда сердце закамело от горя. Она научит смеяться и радоваться жизни, когда кругом одна серость и уныние. Музыка - это единственный урок, на котором можно ощутить ЭМОЦИИ, а не просто сидеть и зубрить. Она принесет вам только удовольствие. Не вижу ни одной причины для возмущения. Или же вы желаете пойти изучать логарифмы?

Класс замолк. Слово «логарифмы» они, похоже, слышали впервые, но общую идею уловили: заниматься музыкой действительно было проще и приятнее, чем высшей математикой. А учиться здесь вряд ли кто-то хотел.

- Если мы поняли друг друга, то давайте начнем, - удовлетворенно кивнула Марина. – У меня пока нет инструмента, чтобы приступить к изучению классики, поэтому предлагаю для начала разучить какую-нибудь песню. А я послушаю ваши голоса и оценю наличие музыкального слуха. Хорошо?

Судя по выражению лиц, ничего хорошего в этом они не находили. Но выбора не было – не танцы же устраивать под бит ладонями по партам.

- Итак, я буду напевать песню небольшими фрагментами, а вы – повторять за мной. Все понятно?

Класс не ответил, но лица расцветились ехидными выражениями, намекая, что сейчас училке придется несладко. Они правда думали, что учителя с семилетним стажем можно «достать» такой ерундой? Наивные.

Марине было не привыкать: обычно дети отказывались петь уже с седьмого класса. Крутым подросткам было слишком стремно напевать школьные песенки. А песенки попсовые или «рэпчик» не видела смысла напевать уже сама Марина: попса чаще всего была слишком простой для развития музыкальных способностей, а рэп и вовсе не развивал звуковысотный слух, только ритмический.

- Давайте разучим знаменитую песню из одного далекого-далекого мира, в котором никто из вас не бывал и вряд ли когда-нибудь побывает, - загадочно начала она и сразу затянула:

Изгиб гитары желтой ты обнимешь нежно.

Струна осколком эха пронзит тугую высь.

Качнется купол неба, большой и звездно-снежный.

Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!

- Красиво, правда? – сказала она, профессионально игнорируя презрительные выражения лиц. – А теперь, давайте повторим. Три-четыре...

Ожидаемо, повторила только она сама. Жаль, жаль. Марина надеялась, что хотя бы демон Крис или феечка Флокси к ней присоединятся. Но, похоже, позиция в коллективе для них была важнее угождения новому начальству.

- Ну, хорошо, - кивнула она, оставив эту идею. – Не хотите хором, давайте сольно.

Девушка подошла к первой парте, где сидел красавчик Шерман с фиолетовой гривой.

- Мелодию запомнил? – спросила она. – Повтори, пожалуйста. Можно негромко.

Марина чуть склонилась, справедливо полагая, что первый человек хайлать на весь класс постесняется и в лучшем случае что-нибудь тихо намяукает. Если не уйдет в полный отказ, что, как обычно, потянет за собой цепную реакцию.

Класс издал какой-то непонятный звук, вроде «О-о-о!», и все взгляды устремились к ним в явном ожидании представления. Красавчик посмотрел на учительницу с легкой насмешливостью:

- Мне лучше не петь, - сказал Шерман. – Не тот голос.

Он хмыкнул. Но по глазам Марина поняла: петь этот па-

рень любит и умеет.

Она не раз встречала этот взгляд у ребят из восьмых-девятых классов: не дай бог показать одноклассникам, что получаешь удовольствие от пения! Засмеют, загнобят, опозорят на весь интернет. Вон, и эти уже заулюлюкали и демонстративно заткнули уши, как бы намекая, что не хотят слышать этого позора.

Но Марина была тверда в своем намерении. Она уже почувяла: этот малый может стать ее первым успехом. Он явно умел петь и был достаточно нагл, чтобы перешагнуть через мнение общества ради своего таланта. Нужно было лишь немного подтолкнуть...

- А я настаиваю, - сказала она.

- Ну, что ж, раз настаиваете... - красуясь, сказал Шерман и оглянулся на класс. Ехидные морды лишь сильнее заткнули уши и принялись негромко улюлюкать на разные лады, показывая, что слушать не собираются, но в то же время стараясь не сильно нарываться на учительский гнев.

Марина покачала головой. Ну, детский сад, ей-богу.

- Давай, - сказала она, поддерживая парня, и пропела одну строчку, напоминая текст и мелодию.

- *Изгиб гитары желтой...* - послушно начал повторять Шерман, насмешливо глядя ей в глаза, и Марина ощутила, как по спине пробегают мурашки с первых же нот.

Она не ошиблась. Вот это талант! Какая там проверка слуха – да этот парень дал бы фору всем величайшим тенорам!

Голос у Шермана был просто божественный. Он окутывал уютom, околдовывал. Он звучал так нежно и при этом обь-емно, что казалось, будто звук можно потрогать.

Шерман пел и смотрел на нее, и музыка лилась, как пато-ка. Нет, как искристые морские волны, которые по прихоти богов закручивались вокруг девушки подобно водовороту. И водяные стены становились все выше и выше, оберегая ее от шумного мира. Не осталось ничего, кроме его голоса и прон-зительно-синих глаз, что смотрели со дна этого волшебного колодца. И девушка проваливалась в них, как в омут, а па-рень все продолжал и продолжал намурлыкивать знакомую мелодию, снова и снова... снова и снова... снова и снова...

Глава 5.

Марина очнулась только на рассвете, обнаружив себя лежащей на первой парте. Спина страшно затекла от слишком ровной поверхности. В сложенные крестиком на груди руки кто-то вложил букет уже увядших ромашек и свечку, а туфли старательно измазал мелом, имитируя белые тапки.

- Вот сволочи, - не сдержалась Марина, не зная, чего ей больше хочется: рвать и метать, что попалась в какую-то странную магическую ловушку, или радоваться, что так легко отделалась. – Чтоб я еще хоть раз с вами связалась! Немедленно возвращаюсь домой от греха подальше!

Но природа потребовала свое, и пришлось озаботиться совсем другим вопросом: а именно, где здесь справляют нужду.

Выйдя в коридор, Марина начала поочередно заглядывать в разные двери и с удивлением обнаружила, что за ними дрыхнут ее новые ученики. Похоже, никакого общежития им тоже не выделили, и ребята спали, кому как повезло. Точнее, кому как отвоевалось. Потому что в самых удобных в бытовом смысле помещениях оказались самые физически развитые, а ребятам типа Криса, Леама, Персиваля или Пузыря достались какие-то подсобки, полные хлама и уборочного инвентаря.

«Бедолаги», - сочувственно подумала Марина, оглядев

свернувшегося калачиком на половых тряпках Криса и крошку Флокси, спящую прямо на полу в коридоре в обнимку с чучелом здоровенной птицы, в пыли и грязи. На этом фоне ночевка на парте стала казаться вовсе не такой позорной.

«Пожалуй, стоит сегодня заняться обустройством их быта перед тем, как уйти, - сделала себе зарубку Марина. – Надо прибрать комнаты, расселить ребят по-человечески, а потом уже и истерить на тему смены учителя и возвращения меня в родной мир. А то пока еще подберут замену».

Туалет она так и не нашла: похоже, его тут и не было. Сбежала в ближайшие кусты, сделав еще одну зарубку в голове. А потом задумалась, что хорошо бы приготовить завтрак. Ей же обещали вечером доставить какие-то продукты? Оставалось только надеяться, что неведомый курьер додумался не увозить доставку обратно, не найдя получателя на месте.

Ей повезло. Мешок обнаружился на крыльце, и ребята его не тронули. Точнее, судя по виду, развязали, покопались, но ничего достойного не нашли и оставили «добычу» в покое. В мешке было килограмм двадцать картошки, немного моркови, россыпь мелких луковиц, пара вилок капусты и несколько мешочков поменьше. Как выяснилось – с крупой.

Марина недоуменно уставилась на все это богатство. Разграблять его у нее тоже желания не возникло, хотя овощи были бодренькие, не сморщенные. Но их еще нужно было где-то долго и упорно готовить. А у нее – ни ножей, ни соли,

ни кастрюли.

Впрочем, нет. Нож был – тот самый, ритуальный. Да и алхимическое барахло вполне годилось на роль посуды. И даже камин был такого размера, что в нем можно было готовить. Но в такую хорошую погоду, конечно, лучше б на улице. Воду бы еще где-нибудь найти.

Марина нарезала еще один круг по двору и обнаружила колодец – тоже старый и с прогнившими бортами. Но брошенный вниз камушек жизнеутверждающе булькнул. Нужна была только веревка.

На этом моменте Марина поняла, что если будет в одиночестве бегать кругами в поисках разных ерундовин, то успеет состариться, прежде чем нормально позавтракает. Да и вообще, пора было назначать дежурных: она учитель, а не кухарка, и готовить согласна только для себя. Ну, или по крайней мере, наравне со всеми.

Вернувшись в дом, она растолкала Криса и Флокси. Сонные ребята поднялись, как по команде, и встали, покачиваясь и досыпая стоя, но не жалуясь. Похоже, в предыдущем месте обитания их регулярно наказывали, если они не вставали по сигналу.

- Крис, Флокси, вы сегодня дежурные, - поставила их перед фактом Марина. – Надо приготовить завтрак. У нас много чего не хватает, так что пробегитесь по помещению, найдите веревку, ведро для колодца и что-нибудь для разведения огня. И картошку подготовьте. А я пока схожу за солью.

- А Вы в таком виде пойдете? – ляпнул еще сонный Крис, окинув ее взглядом. Флокси тоже оглядела ее и хихикнула.

Марину обдало ледяной волной: что не так?

Она торопливо осмотрела себя, но и платье было на месте, и даже колготки не порваны. Впрочем, у нее в голове тут же «зачесалась» оставленная вчера «зарубка»: Денеба тоже что-то такое говорил про ее внешность.

Похоже, в этом мире у женщин был какой-то другой дресс-код. По крайней мере, у взрослых, потому что Флокси была одета в грязное кружевное платье, длиной не сильно отличавшееся от ее собственного. А может быть, дело было в облегающем силуэте.

- У меня пока нет другой одежды, - вынужденно призналась Марина. – Вот как раз собиралась после занятия решить этот вопрос, но мне не дали.

- Это не я! – сразу отперся Крис. – Это все Шерман. Мои только свечка и цветочки! И исключительно постфактум!

- Хм, - Марина укоризненно сложила руки на груди. Теперь стало понятно, кто в этом классе главный по шуточкам.

- А туфли мне мелом испортить чья была идея? – прищурилась она.

- Тож моя, - притворно вздохнул демоненок, но по искоркам в глазах было видно: не раскаивается. И наказания тоже не боится.

«Ну-ну. Подумаем об этом», - фыркнул внутренний голос.

- В общем, я пойду поищу кастеляншу, или кто тут у вас

за соль отвечает, а на вас пока картошка и очаг, - подвела итог Марина.

- Есть! – ребята вытянулись по стойке «смирно». Интересно, это их в колонии вымуштровали? Или строевые повадки родом из военного прошлого?

Ответив им «вольно», Марина пошла в сторону административного корпуса.

Уже выходя на вымощенные камнем тропинки, она задумалась: не слишком ли серьезное задание дала ребятам? С одной стороны, Крис выглядел почти взрослым и не производил впечатления недоразвитого. А с другой стороны, когда она говорила об очаге, то не уточнила, что его нужно только приготовить. А ну как начнут разводить огонь? Может, вернуться и уточнить?

Марина оглянулась на густые кусты, подумала и махнула рукой. Избыточная опека – это тоже плохо. Здание одноэтажное и каменное, а ребята взрослые: если вдруг случится пожар – успеют выскочить из окон. Да и пара ожогов или порезов ножом вряд ли страшны этим уголовничкам. Это ж не наивные жертвы гиперопеки ее родного мира, кончающие жизнь самоубийством из-за тройки по ЕГЭ.

Чем дальше Марина отходила от корпуса, тем сильнее на нее наваливались сомнения и апатия. Ну вот куда она идет и зачем? Вваливать на себя новые обязанности? Со старыми еще не разобралась. Надо в родной мир возвращаться, чет-

вертные «рисовать», прогульщиков обзванивать, отчеты по высосанным из пальца контрольным срезам рисовать. ЕГЭ еще это дурацкое... Опять сидеть на всех экзаменах, время терять.

Марина окончательно остановилась, почувствовав, что у нее нет желания ни возвращаться в родной мир, ни что-то делать в этом. Хотелось просто лечь на эту пушистую экологически чистую травку и медитировать на букашек. Наверное, это все-таки депрессия, и пора признать, что психиатр – не такой уж постыдный врач.

«Ага. Глядишь, признает тебя профнепригодной и отпустит на вольные хлеба, - снова шепнул внутренний голос. – Хха! Не надо обманываться: ты просто стареешь. И ничего не хочешь, потому что ничего и не можешь. Неудачница».

- Прочь из моей головы! – отчетливо сказала вслух Марина, изгоняя назойливую мысль – будто песню Васильева продекламировала.

- Наш учитель слышит голоса, - вдруг хмыкнул у нее за спиной уже слегка знакомый баритон. – А я-то еще думал, уж больно Вы нормальная, не могли нам такого учителя дать: чтобы и с совестью, и с опытом.

Марина торопливо обернулась. По соседней дорожке неспешно шел один из ее учеников – тот, что выглядел на тридцать. Густая ухоженная борода возмутительно поблескивала под утренним солнцем, доказывая, что именно тридцать, если не больше, ее хозяину и есть.

- Самый умный? – огрызнулась Марина, чувствуя себя крайне неловко: и от того, что попалась на разговоре с самой собой, и от полного несоответствия этого типа классическому облику ученика или хотя бы студента.

- Я пошутил, не обижайтесь, - спокойно ответил тот, оставаясь подле нее. Заложив руки в карманы, он принял удобную для разговора и в то же время довольно отстраненную позу.

- Почему не в нашем корпусе? – сдержанно спросила Марина, одновременно решая серьезнейшую этическую проблему: обращаться к нему на «Вы» или на «ты».

С одной стороны, это был явно взрослый мужик, и следовало держать дистанцию, а значит, использовать местоимение «Вы». С другой, он вроде как ее ученик. И если к нему обращаться на «Вы», то и к остальным тоже. А Марина искренне считала обращение на «ты» более душевным, превращающим класс в семью.

- За солью ходил, - мужчина, чье имя она никак не могла вспомнить, вытащил из кармана небольшой сверток и продемонстрировал ей. – Вчера продукты принесли. Все есть, кроме соли. Думал, к утру еще что-нибудь донесут, но нет. Пришлось сходить.

- А вам разве не запрещено покидать территорию корпуса? – удивилась Марина, пребывавшая в полной уверенности, что колонистов отделят от прочей части Академии: а иначе зачем было селить их так далеко от основных зданий?

- Мы тут не все уголовники, - холодно ответил ей мужчина. – Да и те, что со «статьей», давно уже свое «отсидели».

- Извини, - смутилась Марина, непроизвольно выбирая обращение «ты». – Спасибо, что побеспокоился насчет соли. Я как раз шла к кастелянше с этим вопросом.

- К кастелянше? – он поднял бровь. – А почему не к кухарке?

- А здесь есть кухарка? – оторопела Марина: после доставки продуктов в сыром виде ей такой вариант даже в голову не пришел.

- Разумеется, - кивнул удивленный ее незнанием мужчина. – Иметь личных кухарок – это очень дорого даже для учителей. Так что здесь есть общая кухня Академии.

- А, понятно, - кивнула Марина, быстренько перестраивая в голове первое впечатление от устройства этого учебного заведения.

Похоже, здесь все-таки была столовая, но только для учителей. А студентам предлагалось готовить самостоятельно. Ну, хотя бы продуктами их обеспечить, и то хлеб. А ей, оказывается, вовсе не нужно было беспокоиться об их пропитании и можно было просто спокойно пойти и позавтракать самой.

- Слушай, К... - Марина замялась, споткнувшись на имени, которое напрочь забыла.

- ... Ксавьер, - подсказал ей мужчина.

- Слушай, Ксавьер, - благодарно продолжила она. – Я там

Крису и Флокси дала задание подготовить все к завтраку. Если тебе не трудно, понаблюдай за ними краем глаза: а ну как пожар устроят.

Мужчина безразлично пожал плечами – быть ее заместителем он явно не горел желанием, но и формулировка «присмотри краем глаза» тоже ни к чему не обязывала.

- И... ты не подскажешь, а где, собственно, кухня? – старательно пряча смущение, уточнила Марина: раз уж вышла из корпуса и есть, кому присмотреть за дежурными, так отчего бы не сходить на завтрак? А потом уже, сытой и довольной заниматься детьми. Хотя это и не совсем справедливо, зато рационально.

- Кухня или столовая? – проницательно уточнил Ксавьер.

- Столовая, - поправилась Марина.

Он показал на левое крыло центрального здания, снова повернулся к ней и уточнил:

- Но к кастелянше все-таки зайдите.

- Да, точно: надо постельное получить, - спохватилась Марина.

- Нет. Вам бы форму какую-нибудь... попримечнее, - сухо пояснил он, окинув ее многозначительным взглядом.

Марина уже откровенно покраснела. Почему-то именно сейчас она окончательно осознала, что строгая одежда ее родного мира в этом мире может строгой и не являться. А если смотреть объективно, то ее платье мало того, что без рукавов и только до колена, так еще и довольно облегающее.

- Там, откуда я прибыла, это форма учителей, - неловко пояснила она.

- Я так и понял, - кивнул Ксавьер. – Знаком с одной женщиной-иномирянкой, что порой носит нечто подобное. Но ребят вы повеселили.

Марина кашлянула и одернула свое серое платье. Ей и в голову не пришло, что унылый «офисный» стиль может стать предметом веселья.

- Кастелянша по ту сторону центрального здания, - добавил Ксавьер, заполняя неловкую паузу. – Занятия сегодня будут в первую смену или во вторую?

- Во вторую, - подумав, сказала Марина. – Если вообще будут. Надо бы для начала корпус в порядок привести.

- Понял, - кивнул Ксавьер и, не прощаясь, исчез в густом кустарнике.

А Марина вдруг поняла, почему ректор настаивал, что предмет не имеет значения. Потому что с такой бестолковой организацией и полным отсутствием контроля за детьми уже действительно не важно, про что рассказывать на уроке, необходимость в котором вообще вызывает серьезные сомнения.

Глава 6.

Рабочее место кастелянши выглядело как вход в преисподнюю. По какой-то причудливой задумке архитектора лестница, ведущая вглубь полуподвального помещения, сверху была намного шире, чем внизу, создавая иллюзию перспективы и чувство, будто посетителя засасывает внутрь.

Под сводчатым потолком клубились потоки пара, по стенам плясали алые отблески пламени. Сильно пахло дымом, подвальной сыростью и хозяйственным мылом, а из глубины доносился клокочущий звук: пожалуй, такое бульканье должны были издавать котлы для грешников.

Марина спустилась вниз, ежась от неприятных ощущений. Ясно было, что это всего лишь игра ее воображения, но все же адреналинчик в крови подскочил. И не зря. Стоило ей завернуть за угол, как она предстала перед самим Сатаной.

Сатана был женского пола, имел торчащие клыки и массивную челюсть. Хлопковое платье в мелкую «матрасную» полоску сидело на нем нелепо, и куда гармоничнее смотрелись грубо закатанные рукава, открывающие мускулистые руки. На Сатане был кожаный фартук мясницкого вида, а за спиной у Сатаны чадила и трещала сырыми поленьями печь сложной конструкции, подогревающая огромные котлы.

Наученная опытом общения со своим новым классом, Марина сразу поняла: перед ней представитель магигов.

Причем в ее классе таких было аж двое: брат и сестра – Еж и Кассандра. Уточнять расовую принадлежность учащихся она не стала – это было примерно так же неловко, как если б она в родном мире начала допытываться, кто тут армянин или таджик: вызывает подозрения в отсутствии у учителя толерантности. И теперь оставалось только гадать, как называется эта раса. Может, орки?

- Чего надо? – грубо спросила женщина-монстр и прилепила чугунный утюг к чьим-то мокрым панталонам. Раздалось шипение, и к потолку устремилась новая удушливая порция пара. А женщина тем временем смерила Марину презрительным взглядом, особенно задержавшись на одежде, чем еще раз подтвердила несоответствие внешнего вида нового учителя местным требованиям.

- Простите, это Вы – кастелянша? – уточнила девушка. Других претендентов на эту должность не наблюдалось, а обстановка вокруг больше ассоциировалась со словом «прачка».

- Ну, я, - прищурилась на нее женщина, с таким садистски-медленным движением перемещая утюг по ткани, что мокрая вещь не только запарИла, но и как будто принялась дымиться. – Что опять испачкали?

- Нет-нет! – торопливо открестилась Марина. – Ничего. Я очень аккуратный человек.

Взгляд женщины-орка немного смягчился. По крайней мере, разошлись суровые складки между бровей. Но о при-

ятном выражении лица и речи не могло идти.

- Так чего надо? – снова спросила она, бухая утюг на чугунную платформу печи, от которой нестерпимо веяло жаром.

«И как она работает в таких адских условиях?» - полюбопытствовал внутренний голос.

- Я – новый учитель, - пояснила Марина, стараясь держаться подальше и от печи, и от кастелянши. – Мне сказали, у Вас можно получить постельное белье.

- Хм, - кастелянша снова нахмурилась, а потом неожиданно двинулась на девушку. Марина со сдавленным писком шархнулась назад. Но женщина всего лишь подошла к стеллажам, рядами располагавшимся справа. Взяв оттуда большую стопку чего-то молочно-белого, она бухнула ее перед Мариной. Стопка покосилась, как Пизанская башня, но не упала.

- А это – для учителя, - сказала женщина, пришлепывая «башню» комплектом чего-то шелкового, бордового цвета.

Марина сразу представила, как застилает этим свой диванчик... и как посреди ночи скатывается на пол по скользкому шелку.

- Ой, а можно мне обычные простыни – как у учащихся? – тут же попросила она, готовясь получить очередной мрачный взгляд от кастелянши. Но та, напротив, отреагировала положительно и сменила комплект без всяких пререканий.

- И еще один вопрос хотелось бы решить, - смущенно добавила Марина, не торопясь взваливать на себя гору тряпок.

– У Вас не найдется запасной формы для учителя? У меня совсем нет одежды.

Кастелянша снова надулась, как жаба. Видно, жаба ее и душила. Марина поежилась. Вообще-то по роду деятельности она привыкла общаться с совершенно разными людьми. Но кастелянша вызывала у нее подспудный страх, и Марина продолжала общение только по необходимости и только потому, что раз уж начала, то надо идти до конца.

«Но второй раз мы сюда сунемся только под страхом смертной казни», - безапелляционно заявил внутренний голос.

Женщина-орк еще раз оглядела ее, примериваясь, прокричала что-то неразборчиво, но пошла вдоль стеллажей, выискивая «заказ». Вернулась она со стопкой коричневых тряпок, увенчанной профессорской шапочкой.

- Спасибо, - искренне поблагодарила Марина, принимая дар, а затем, преодолев желание рвануть отсюда со всех ног, уточнила: – А можно я где-нибудь у Вас переоденусь?

Женщина-орк безразлично пожала плечами и кивнула на стеллажи. Марина юркнула за самый забитый и развернула вещи.

Наряд был однозначно мужской. Марина и сама не могла объяснить, почему она так решила, ведь объективно он представлял из себя платье. Но не совсем. Скорее, это был удлинненный камзол сложного покроя с расклепанным подолом. По всей видимости, мужчине он должен был быть до

середины икры, но на девушке почти доставал до земли.

Увы, на этом проблемы не заканчивались: в плечах он был явно шире, чем надо, и Марина без всякого зеркала поняла, что выглядит, как древнеяпонский военачальник в боевом костюме, прошитом китовым усом.

- Простите, а поменьше размера нет? – безнадежно спросила она, выглянув из-за стеллажа.

Кастелянша издала цыкающий звук и на мгновение закатила глаза. А в следующий момент тараном пошла на Марину. Та вжалась в стену.

Но женщина, оглядев результат переодевания, вдруг протянула массивные руки и взялась за декоративную шнуровку по бортам и плечам. И оказалось, что она вовсе не декоративная, а очень даже функциональная – предназначенная для того, чтобы подгонять универсальный наряд по фигуре. Минута – и наряд сел, как влитой. Хотя шнуровка стала выглядеть скорее как декоративный шов – до того плотно стянулась.

Не остановившись на этом, кастелянша взяла следующую тряпку, в назначении которой девушка запуталась, и накинула ее Марине на плечо, зафиксировав пряжкой: похоже, это был плащ на случай непогоды.

- Вот, другое дело, - ворчливо прокомментировала кастелянша, нахлобучивая на девушку и шапочку, а затем снова перешла на суровый ультимативный тон:

- Постельное стираю раз в две недели. Форму – раз в три дня. Кто не сдал – стирает сам. Держите.

Она сунула ей еще один комплект формы, а поверх него поставила... деревянные галоши необъятного размера.

Но Марина отказываться не стала – уж очень суровой была местная кастелянша: чувствовалось, что чуть что не так – набросится и сожрет. Возможно, даже в прямом смысле. Но, наверное, такими и должны быть хорошие завхозы.

Поблагодарив, девушка сложила форму на стопку постельного, схватила всю гору и, крикнув под весом натурального хлопка, осторожно пошла в сторону лестницы, молясь, чтобы не уронить все это на виду у кастелянши. А уронить девятнадцать комплектов белья можно было запросто.

- Дайте сюда, - кастелянша ревниво выхватила у нее всю гору. – Сама донесу. И где только такую хилую нашли? Они ж вас сожрут живьем!

- Да нет, вроде, милые ребята, - убеждая скорее себя, покривила душой Марина.

- Да? – неожиданно смягчила взгляд кастелянша. – Ну, это они, наверное, с непривычки. Вы с ними поостроже там. Особенно с Ежиком. С тех пор, как он с той шпаной связался, совсем от рук отбился. Даже за решетку загремел с ними за компанию. Эх, вот был бы жив его отец, он бы ему всыпал по первое число!

Она еще что-то неразборчиво рыкнула и затопала по лестнице, которая с этого ракурса, напротив, выглядела, как до-

рога в солнечный рай.

«Неужто дети ее? – дошло до Марины. – Так выходит, не все там сироты. Или, по крайней мере, не круглые. Интересно было бы глянуть в личные дела. Если здесь, конечно, такие есть».

Узнать это можно было у кого-нибудь из администрации. Тем более, что пора было познакомиться с завучем. Он ведь, наверное, приходит на завтрак?

Подумав об этом, Марина спохватилась. А зачем, собственно, ей эта информация? Неужто и правда планирует здесь работать? Хотела же просто провести урок ради галочки и вернуться. Урок проведен, дежурные назначены и даже более или менее адекватный взрослый в здании есть – если не присмотрит за балбесами, то хоть сообщит об очередном ЧП, куда следует. Все, можно возвращаться домой.

Марина глянула на административный корпус, мимо которого как раз шла. В этом месте тропинка пролежала по декоративному мостику, и девушка, оказавшаяся на самом его верху, вдруг увидела свое отражение в одном из высоких стрельчатых окон. На нее смотрела удивительнейшая дама – помесь оксфордского профессора и Мери Поппинс. Только зонтика не хватало или трости. А еще, пожалуй, кожаных перчаток. И ботинок на шнуровке вместо туфель.

Хмыкнув, Марина с удовлетворением поставила «пять с минусом» своему отражению. Вот это, пожалуй, то, что надо. И ее прежнее платье на контрасте с новым нарядом дей-

ствительно стало казаться черезчур откровенным, а это как будто само настраивало на рабочий лад.

До чего же все-таки ее родной мир испорчен, что даже строгие костюмы в нем больше подчеркивают фигуру, чем скрывают. Пожалуй, стоило еще немного побыть здесь – хотя бы ради нового опыта. Ну и, возможно, дожждаться замены. О которой, кстати, стоило сегодня же поговорить с ректором.

«А может, и правда стоит здесь остаться? – неожиданно предложил внутренний голос. – Уволиться с прежней работы прямо завтра – пусть сами на ЕГЭ дежурят, это уже не твои проблемы будут. И вообще, ты слишком долго ничего не меняла в своей жизни. Может, оттого и апатия. Встряхнуться надо, новое попробовать».

Мысль была странная. Но сама идея послать к чертовой матери все эти бессмысленные дежурства на экзаменах была до того привлекательной, что даже мир вокруг стал как будто ярче. Пожалуй, экстрим с уголовниками был действительно интереснее школьной рутины ее родного мира. А главное – здесь можно было реальную пользу принести, а не бумажки заполнять.

«Ой, миссионерша нашлась! - тут же высмеял ее внутренний голос. – Смотри, не лопни от собственной значимости».

- Цыц! – вслух ответила ему Марина и зашагала в сторону столовой. В конце концов, сутки, которые требовалось выждать для «успокоения флуктуаций», еще не закончились, и у нее еще было время подумать и прийти к консенсусу с

внутренним голосом и всеми сомнениями.

Глава 7.

Несмотря на ранний час, в столовой было довольнолюдно, хотя за длинным столом в центре зала еще никто не сидел. Мужчины стояли группами вдоль окна, беседуя каждый о своем, и помещение было наполнено гулом их голосов. В воздухе распространялись аппетитнейшие запахи, но стол был пуст. Точнее, он был накрыт на примерно тридцать персон, но еды на нем покамест не наблюдалось – только скатерть, приборы, салфетки да пара вазочек с цветами.

- О, а вот и обещанное пополнение штата! – громко сказал высокий узловатый мужчина, похожий на лошадь, вставшую на задние копыта. – Проходите, проходите, леди... Простите, не знаю Вашего имени.

- Марина Игоревна, - представилась девушка громко, чтобы не пришлось повторять каждому: все равно после возгласа мужчины на нее обернулись абсолютно все. Хорошо, что она успела переодеться. Ксавьер, плюсик в карму. Может, даже в журнал. Который, кстати, хорошо бы завести.

- Приятно познакомиться, леди Мар... Мари... Маригорьевна, - мужчина так искренне нахмурился и смутился, что Марина поняла: он правда не может выговорить.

- Марина Игоревна, - разборчиво повторила она. – И можно без «леди».

При этих словах лица присутствующих так красноречиво

«поплыли» бровями вверх, одновременно устремив на нее жгучие взгляды, что сразу стало ясно: она нарвалась на очередную культурную «бомбу», и откидывать «леди» не стоило.

- В моем мире учитель – это человек вне социальных статусов, - торопливо пояснила Марина, чтобы не усугублять конфуз. – У нас считается, что учитель – прежде всего высокоморальная личность, а лорд он или нет, не имеет значения.

- Но как же ученики выражают свое уважение? – удивился конеподобный мужчина.

- Посредством обращения на «Вы» и по имени-отчеству, - пояснила Марина. – Мои имя-отчество – Марина Игоревна. Прошу так и обращаться.

Мужчины переглянулись по своим группам, сопроводив взгляды коротким обменом фразами, но именно ей никто ничего не сказал, из чего Марина сделала вывод, что неведомый конфуз замят. Правило «не молчи, когда неловко», как всегда, сработало на ура. Жаль, люди в основной своей массе боятся его применять. А зря. Хоть на работе, хоть в семейных отношениях спокойно, без обид объяснить свою точку зрения – всегда полезно.

Больше к ней никто не полез ни с расспросами, ни со знакомством. Видимо, она выбрала достаточно серьезный тон, чтобы сразу пояснить свою позицию в вопросах дружбы с коллективом: зачем ей со всеми знакомиться и тратить время на поддержание дружеских отношений, если она здесь не

задержится? Впрочем, немножко поговорить с людьми все же стоило. Хотя бы затем, чтобы решить часть проблем.

Перебросившись парой слов с конеподобным мужчиной, Марина выяснила, кто тут исполняет обязанности завуча. Местный аналог должности звучал как «проректор». Им оказался уже знакомый Марине мужчина. Точнее, смутно знакомый: вчера, когда она провалилась в портал, то некоторое время была не в себе, и раздражительного человека запомнила в основном по пощечине, которой он наградил ее, чтобы остановить нервный визг.

Сегодня и она уже успокоилась, и он не выглядел больше маньяком в одеждах сатаниста с коллекцией зародышей в банках с формалином (как прояснилось позже, портал вел в кабинет анатомии, а идею с сатанистами в канализации дорисовала буйная фантазия Марины, впечатлившаяся антуражем).

Закончив светскую беседу с конеподобным, девушка двинулась к проректору.

- Доброе утро. Простите за вчерашнее, я немного перепугалась, - сразу начала она зачищать все неловкие моменты, чтобы настроить отношения с начальством на нейтральный лад.

- Да ничего, я понимаю, - кивнул мужчина, хотя по слегка поджатым губам девушка сделала вывод, что первое впечатление от знакомства все-таки сильно подпортило их взаимоотношения. Впрочем, заморачиваться по этому поводу

не стоило: если она здесь ненадолго, то формального прощения вполне достаточно. Тем более, что в произошедшем не было ее вины.

- Марина Игоревна, - снова представилась она и первой протянула руку, продолжая налаживать отношения.

- Лорд Тельпе, - кивнул он и склонился для поцелуя. Марина на секунду растерялась, но действие, в ее мире приобретшее фривольный окрас и ассоциировавшееся с любвеобильными, но культурными старичками, здесь явно имело первоначальное значение – а именно, представляло собой формальный жест вежливости.

В этот момент по залу разнесся звон колокольчика.

- Прошу за стол, - сказал мужчина, жестом указав ей на свободные стулья.

Марина кивнула: какая разница, где обсуждать дела? Пожалуй, беседа за столом даже сделает завтрак в незнакомом месте в окружении незнакомых людей с незнакомым этикетом хоть чуточку комфортнее.

Так и произошло. Беседуя с господином Тельпе, Марина получила возможность вполне естественно наблюдать за тем, какими приборами нужно пользоваться при употреблении незнакомых блюд. Но и задавать интересующие ее вопросы она не забывала:

- Скажите, а в какой форме здесь принимается отчетность? – спросила она. – Господин ректор не успел меня прояснить.

- Вы имеете в виду экзамен? – переспросил проректор. – У нас есть примерная форма. Мы подкорректируем ее под Ваш предмет, если дойдет до аттестации.

Марина кивнула, не преминув отметить слово «если». Похоже, в отличие от радужно настроенного ректора, проректор смотрел на жизнь с большим скептицизмом. И так же, как и она, сомневался в успешности авантюры с уголовниками.

- А текущая отчетность? – уточнила девушка. – Четвертные и годовые отметки, срезы знаний, городские контрольные работы?

- Не понимаю, о чем Вы, - покосился на нее местный «завуч». – Способы контроля знаний – это Ваше дело.

- Но на экзамене все же проверяются вполне определенные знания, - нахмурилась Марина. – Должна быть примерная программа, единая на всей территории страны. Ну, или хотя бы программа на уровне школы. Я, конечно, могу написать свою, если я правильно поняла господина ректора. Но даже ее освоение нужно как-то проверять. В какой форме мне предоставлять отчет?

- Послушайте, Марина Игоревна, - поморщился господин Тельпе. – У меня нет желания лезть в эту кашу. Педагогический штат и количество классов увеличилось, а моя зарплата – нет. Пока меня о Вас не спросят, я не горю желанием загружать себя лишней работой. У меня съезд алхимиков на носу, и единственное, о чем я мечтаю: чтобы Ваши магии

не попадались мне на глаза.

Марина внутренне поморщилась при слове «Ваши», но спорить не стала. Похоже, ректор был единственным, кто горел желанием открыть новое направление обучения, и коллектив его не поддержал – даже проректор. А Марину автоматически записали в ректорский лагерь, не посмотрев, что ее назначение на должность прошло против ее воли. Собственно, официально она и не была еще оформлена – никаких документов ей не предоставили.

Видимо, на ее лице отразилась игра эмоций, потому что господин Тельпе, глянув на нее, вздохнул и решил уточнить:

- Если Вас это беспокоит – пишите отчеты в любой удобной форме. Быть может, когда-нибудь пригодятся. Но сомневаюсь, что класс вообще пройдет аккредитацию.

Марина поморщилась. Ну вот, теперь ее считают какой-то трудоголичкой. А вот это совсем нехорошо. На трудоголиков всегда сваливают лишнюю работу. Надо срочно исправлять ложное впечатление.

- О, поверьте, я только рада, что у вас тут все устроено гораздо проще, - сказала Марина. – На предыдущем месте работы заполнение бумажек занимало львиную долю времени – некогда детьми было заниматься.

- Вот именно, - удовлетворенно кивнул проректор. – Сосредоточьтесь на своей задаче: чтобы эти магические ублюдки тихо сидели в старом корпусе и никому не попадались на глаза.

Марина едва не подавилась. Ничего себе выражения позволяет себе местное руководство! Нет, местами эти гады вполне тянут на «ублюдков», но зачем это вслух-то говорить? Ведь, как известно, назови человека свиньей, и он захрюкает.

Ей вдруг стало обидно за ребят. Да, на культурных людей они не тянут. Да, подростковые шалости, помноженные на дворовое воспитание, во всей красе. Да, своего учителя они ни во что не ставят и даже смеют над ней довольно опасно шутить. Однако толпа отпетых уголовников с одурманенной неизвестным колдовством девушкой могла поступить куда жестче, чем просто украсить свечкой и белыми тапками – вплоть до отрезания головы и прикапывания по частям где-нибудь в густом кустарнике. Но ее просто «вырубили» и пошли по своим делам. Да и шутка явно была скорее экспромтом, и Марина почти наверняка сама была виновата, что дала им такую возможность.

- А что насчет оснащения? – перевела она тему.

- Не понимаю, - нахмурился господин Тельпе. – Мы все подготовили: учебная аудитория есть, помещение для Вас – тоже. Свободных комнат для студентов полно, только прибраться надо. Но это уж пускай они сами как-нибудь.

- Нет, я имею в виду устройства для воспроизведения музыки, - пояснила Марина. – Может, есть возможность приобрести пару аккумуляторов, колонку и какой-нибудь плеер? Понимаю, Интернет здесь вряд ли есть, но если меня нена-

долго вернут домой, я могу скачать все, что нужно. Потом останется только аккумуляторы заряжать время от времени. В моем мире, разумеется.

- Вы меня извините, но артефакты перемещения – это очень дорогая вещь, - остановил ее мечтания проректор. – Особенно межмировые, заряженные сильнейшими магами Освении. Они все на строгом учете, и тратить их для организации какого-то урока музыки – не лучшая идея.

Марина помрачнела. Урок музыки без мощи Бетховена, гармонии Баха и гениальности Моцарта сразу скатывался до уровня урока пения. Петь – это, конечно, полезно для развития музыкальных способностей. Но она-то обещала детям показать иную Музыку. И что теперь делать?

«Слинять по-тихому», - хмыкнуло подсознание, подсказывая самый простой путь решения проблемы. Тем более, что дома ее ждала гора недоделанной бумажной работы и серьезный нагоняй за прогул в такой напряженный момент – конец учебного года.

Хотя, любой учительский прогул – это уже нонсенс, и Марина даже думать боялась о том, что будет чувствовать, когда вернется и взглянет в глаза коллегам. Может, наоборот – не возвращаться вообще?

- Давайте перетащим в мой класс хотя бы фортепиано, – скрепя сердце, предложила она.

Интересно, что ей скажут ее ребята на предложение поработать грузчиками? Сразу пошлют или уже после того, как

увидят двухсоткиллограммовую бандуру?

- Первый раз слышу это слово, - честно сказал проректор, легко решив эту проблему, но вернув Марину к предыдущей.

- Может, клавесин? – наугад спросила девушка, припоминая, какие инструменты были на земле в эпоху, схожую с местной.

- Это тот ящик с педальками для рук, как у покойной жены герцога? – припомнил проректор. – Я включу в список необходимого на следующий семестр. Но если предмет дорогой, вопрос его приобретения может затянуться на неопределенный срок.

Марина помрачнела. Примерно с теми же интонациями им на прошлой работе обещали новое здание для школы. По словам старожилов, обещали ежегодно уже лет двадцать, продолжая так же ежегодно штрафовать за несоответствие здания нормам СанПин.

- Ну, хотя бы гитару, - смирилась она, прикидывая, сколько времени у нее займет самостоятельное обучение игре на этом инструменте хотя бы до уровня «три блатных аккорда». Но даже если не получится, гитара все же лучше, чем ничего: хотя бы на одной струне всегда можно что-то подобрать на слух или хоть тон задавать. Да и вдруг кому из ребят понравится? Дети обучаются быстрее, чем взрослые, сами освоят. Нужно только показать азы.

- Увы, такого инструмента я тоже не знаю, - разочаровал ее господин Тельпе. - Есть орган в церкви неподалеку – можете

попытаться договориться со священником.

- Боюсь, орган - это слишком сложно для меня, - смутилась девушка, припомнив пять клавиатур, одна из которых - для ног. Такое методом научного тыка не освоить.

- Хмм. У мастера зельеварений, кажется, есть еще волюнка, - сжалился над ней проректор.

- Знаете, я, пожалуй, своими силами тогда обойдусь, - вздохнула Марина, подумав, что мир-то вроде другой, а проблемы те же.

- Не утруждайтесь особо, - посоветовал ей проректор. - Никто не ждет от Вас сверхъестественных педагогических достижений. Если эти уголовники никого не убьют и ни разу не сцепятся с остальными студентами - это уже будет невероятным прогрессом. Просто займите их чем-нибудь. Все равно, чем. Хоть по кастрюлям ложками бейте, как уличные музыканты. Только не ночью, ради всех богов!

- Поняла Вас, - мрачно кивнула Марина. Статус магиков в Академии все больше прояснялся. И причина, по которой всем было плевать на ее предмет - тоже. Неясно было одно: если магии всем так неудобны, как так случилось, что для них открыли класс? Личная инициатива ректора? Тайное заступничество высокопоставленного лица?

Марина все же не отступилась и вытребовала у проректора несколько комплектов писчих принадлежностей, а то ведь ребята, похоже, приехали без ничего. Так что сразу после завтрака господин Тельпе отвел ее на склад и выдал целый

ящик чернил и россыпь гусиных перьев. По пути девушка выклянчила у него еще и что-то вроде тетради – для собственной отчетности. И с этим богатством, довольная, пошла обратно.

Глава 8.

Корпус магигов встретил Марину до того идиллической картиной, что она даже поставила ящик на землю и старательно протерла глаза. Но нет, странное видение не исчезло.

Отпетые уголовники сидели дружным кружочком у костра и, обжигаясь, жевали печеную картошку. Шессер раскинул на весь двор свой непомерно длинный змеиных хвост, Пузырь растекся лужей на прогретом солнцем крыльце, немой великан задумчиво объедал молодые ветви ближайшего куста, а человек-фикус неведомым образом переместился в центр двора и раскинул ветви во все стороны – фотосинтезировал, видимо. Двое дежурных, хохоча, гоняли туда-сюда возле него, охотясь за золотистой бабочкой. Крис радостно сверкал зубами, а Флокси рассыпала повсюду яркие отблески от своих волос.

Но чудесное видение длилось недолго. В попытке поймать неуловимое насекомое демон совершил немыслимый прыжок, ухватил крылатое создание, а затем, как профессиональный каскадер, повалился наземь, гася инерцию. Причем приземлился прямо в группу завтракающих и догорающий костер.

Раздались крики и вопли обожженных, матерные обещания пришить ублюдка, шипение Шессера, которому в суматохе отдавили хвост, яростные вопли мускулистых девиц и

визг Флокси. Вся компания сорвалась со своих мест и попыталась прибить демона. Но тот неожиданно ловко увернулся и одним прыжком вылетел из толпы. Ясно было, что вскоре его нагонят – уж слишком все разозлились. Однако в следующий момент демоненок сделал немыслимое сальто, уцепился за край крыши, подтянулся и забрался на козырек крыльца, торопливо сбивая огонь с дымящейся рубахи.

Тональность голосов из возмущенной стала угрожающе-убийственной. Оркоподобные брат и сестра примерились к опорам крыльца, явно планируя их сломать. Шессер подтянул тугими плетями свой хвост, то ли готовясь оттолкнуться им, как пружиной, то ли сбить негодника. Клыкастый Персиваль вынул из кармана нож, украденный из кафедры, и подкинул на руке, планируя его метнуть.

- А ну, стоп! – отмерла, наконец, Марина. – В одну шеренгу становись!

Утреннее предположение оказалось верным: похоже, в предыдущем месте содержания ребят вымуштровали до автоматизма, и теперь они подчинились, не успев задуматься. Задержались только Дубок, великан по кличке Поморник, Ксавьер, Леам да Уильям. Первых двоих природа не наделила скоростью и соображалкой, а последние три, похоже, в колонии не были или были, но недолго, и до автоматизма построение не отработали.

Марина неспешно прошла вдоль ряда, оглядывая свою гоп-компанию и соображая, что делать дальше. Лица и руки

ребят были измазаны золой, а по земле была раскатана картошка. Марина нагнулась и подняла одну. С одной стороны корнеплод был почти сырым, а с другой – сторел до уголька.

- Картофель запекают в углях, а не просто в костре, - заметила она ворчливым тоном. – Еду перед подачей остужают. А в обеденной зоне не бесятся. Крис!

- Здесь! – демон сделал шаг вперед.

- Тебе штраф за неподобающее поведение в обеденной зоне, - сказала Марина. – Назначаешься дежурным на всю неделю.

Демон сразу скис, но спорить не стал – это все же было лучше, чем жестокая расправа собратьев.

- Флокси! – снова позвала Марина.

- Здесь! – пискнула девочка, делая шаг вперед.

- То же самое, - сказала ей девушка.

- Но я же ничего не сделала, - надула губки феечка.

- Вы оба носились, как угорелые, там, где остальные завтракали, - пояснила Марина. – И то, что ты ни в кого не врезалась, не значит, что не виновата.

- А как же «не пойман – не вор»? – девочка попыталась соорудить умильную мордашку.

- Так ты еще как поймана. Я видела, как вы оба гонялись за бабочкой. Это, конечно, очень мило, но...

- Так она же ядовитая! – возмутилась Флокси. – Мы хотели ее пришибить.

- Тем более! – возмутилась Марина, делая в голове замет-

ку к местным бабочкам не приближаться. – Незачем рисковать своими жизнями. Я за них ответственность несу. Без моего разрешения чтобы больше ни в какие авантюры с ядовитыми бабочками не совались. Кстати, где она.

- Здесь, - Крис расплылся в широкой улыбке и показал язык. К языку прилипло жалкое нечто с крылышками.

- Фу, плюнь! – вздрогнула Марина. – Она же ядовитая!

- Так это она ей ядовитая, - пояснил Крис, кивая на Флок-си. – Остальным пофиг.

- Все равно, жрать-то ее зачем? – поморщилась Марина.

- Не знаю, - пожал плечами демон, дожевывая насекомое. – Прикольно.

- Выплюнь эту гадость немедленно, - потребовала девушка.

Крис вздохнул, но послушно сплюнул насекомое... под ноги Флокси. Та взвизгнула и отскочила, повторно отдавив хвост Шессеру. Тот зашипел, дернулся, и могучая пятая конечность сбила с ног всю шеренгу. Класс повалился в золу и угли, оставшиеся от костра.

- Равняйся! – рявкнула Марина.

Ребята, чертыхаясь, построились снова – еще более чумазые и помятые, чем были.

- Десять минут на умывание, - скомандовала девушка. – Затем жду всех в аудитории. Будем обсуждать наши планы.

- А как же картоха? – возмутился оркоподобный Ёж.

- Вы что ее, с земли есть будете? – поморщилась Марина.

- Дык она в земле и растет, какая разница-то? – пожал он плечами. – А то че нам теперь, голодом сидеть из-за этого придурка?

Все снова усталились на Криса с ненавистью и обещанием прибить ночью по-тихому. Марина поняла, что это не тот случай, когда за оплошность одного следует напояказ наказывать весь коллектив. Собственно, коллектива здесь и не наблюдалось. Даже для шайки это сборище уголовников было слишком недружным.

- Ладно, сначала закончим с завтраком, - согласилась она. – Флоксы, собери картофель. Крис, закатай обратно в костровище угли. Будем дожаривать.

- А поленьев подбросить? – поинтересовался он.

- Нет, не надо, - покачала головой Марина. – Я же сказала: картофель запекают в углях.

- Жаль, - ответил демон. – А то тут крыльцо зашло.

Все обернулись, не выказывая особого волнения. Им, похоже, было больше любопытно посмотреть на пожар, чем страшно.

- Что?! – Марина метнулась сквозь шеренгу. – Так тушите скорее!

Она оглянулась в поисках воды, но рядом ничего подходящего не было, а мозг в панике соображал плохо.

- Поморник, потушишь? – спокойно окликнул кто-то великана.

Тот пожал плечами и принялся спускать штаны. Ребята метнулись в разные стороны.

- Эй! – возмутилась Марина, торопливо отворачиваясь: зрелище было хоть и внушительное, но крайне непотребное. Додумать мысль она не успела. Раздалось шипение, и пожар закончился, так и не начавшись. Пионерский метод сработал на «ура», струя была – как из брандспойта.

- Ну, фу, - только и смогла сказать Марина, когда великан иссяк.

И вот что с ними делать? Ругать? За что? Пожар они потушили быстро, эффективно и без лишней паники. Хвалить? Тоже за что? За непотребство и хулиганские методы? Так с другими они, похоже, еще не знакомы.

Подумав, Марина решила никак не реагировать на этот эпизод.

- Так, Крис, меняем планы. Ты сначала за водой – сполосни крыльцо, - велела она. – Флоксы, картофель не только собрать, но и помыть, как сможешь. Костром займется...

Она оглядела шеренгу.

- Я! – с алчным огнем в глазах вызвался Ёж.

Это было подозрительно: не пироман ли он часом? Но других желающих не оказалось, и Марине пришлось вознаградить инициативу, назначив его костровым. Чтобы другие тоже не бродили без дела, Марина загрузила их организацией обеденной зоны.

Под ее руководством ребята нашли в здании длинный

стол и вытащили его наружу. Восемнадцать стульев к нему не набралось. Но Поморник и Дубок в них и не нуждались, а Шессер заявил, что ему удобнее сидеть на собственном хвосте, и стол был более или менее укомплектован сидячими местами. Только один отсутствующий стул пришлось заменить колодой для колки дров.

Пока Марина координировала действия, Еж собрал на место раскатившиеся угли и даже деловито обложил костровище камнями.

- Ну вот, другое дело, - одобрительно сказала девушка, оглядывая очаг. – Только дрова хорошо бы в следующий раз перед закладкой в огонь все-таки колоть – такие крупные бревна слишком долго горят.

- Дык у нас дров и нету, - пожал плечами изгвазданный в золе Еж и вытер нос, оставив под ним черную полосу.

- Как нет? – изумилась Марина. – Из чего ж вы тогда костер жгли?!

- Дык, колодец разобрали, - пожал плечами Еж.

- Чего? – Марина схватилась за голову.

- Мы чуть-чуть совсем, - заверил ее орк. – Чисто верхние бревнышки сняли – все одно они уже трухлявые были. Одно вообще внутри пустое оказалось, и в нем змея жила. Вкусная такая.

Он довольно погладил свой живот.

- Кончайте жрать всякую дрянь! – возмутилась Марина. – И ломать государственную собственность – тоже. Высота

бортов колодца определяется безопасностью его пользователей. Вдруг теперь кто-нибудь в него упадет? А ну, быстро нашел какой-нибудь щит или люк и прикрыл опасный объект!

- Есть! – вытянулся по струнке орк и метнулся выполнять указание.

- Ой, придурки, - тихо вздохнула Марина, глядя ему вслед. – И что мне с вами делать?

- Ничего, - негромко посоветовал подошедший Ксавьер. – Меньше нервов потратите.

- Ты почему не сказал, что дров нет? – повернулась к нему Марина. – Ходил же в главный корпус за солью, мог и дров попросить.

- Сам не знал, - пожал плечами мужчина. – А когда вернулся, Крис уже колодец разворотил.

- Ну, хоть сейчас сходи, - попросила его Марина.

- Один? – поднял бровь Ксавьер. – Дрова вообще-то тяжелые. А лошадь с телегой мне вряд ли дадут: нас тут... кхм... не очень любят.

- Поморника возьми с собой, - подумав, сказала девушка. – Он и дрова утащит и внушительности прибавит. Все равно он во дворе только мешается. А мы пока посуду поищем. И отмоемся.

Она снова тяжело вздохнула, оглядев свое чумазое и пыльное после беготни по заброшенному зданию войско.

- Понял, - кивнул Ксавьер и махнул рукой Поморнику. Тот подхватил мужчину, будто куклу, и посадил себе на плечо, а

спустя полминуты объяснений двинулся к главному корпусу, одним шагом миновав прилично так обглоданные кусты. Земля под его шагами ощутимо подрагивала.

А Марина запоздало спохватилась, что этого великана, наверное, тоже надо как-то кормить. Или это нормально, что он питается деревьями?

«Надо будет сказать ему, чтобы ходил в лес, а то сожрет тут всю зелень», - подумала она. А кусты эти, как уже поняла Марина, работали теперь неплохой изгородью, загораживая от нормальных людей выходки ее класса.

Глава 9.

Второй завтрак вышел почти приличным. Под присмотром сурово глядящей с высоты крыльца учительницы молодежь чинно позавтракала, орудуя разномастными вилками-ложками. Тарелок на всех не хватило, и некоторым достались фарфоровые плошки для алхимических опытов, а сам картофель сложили в котел для зелий. Как заверил ее ушастый Леам, эти предметы слишком давно валялись без хозяина, чтобы на них могли сохраниться какие-то магические эманации.

Эльфенок вообще много знал об истории этого места. Пока он помогал учителю с разбором алхимического хлама, Марина осторожно порасспросила его и выяснила много интересного.

Например, что сам юноша вовсе не уголовник и даже не сирота. Он вместе с родителями успел эмигрировать из родной страны в самом начале травли магигов – задолго до того, как разразилась гражданская война. Поэтому его семья успела прижиться на новом месте и не так сильно ощутила на себе недовольство местных жителей. Тем более, что скромное семейство ушастых вело себя вежливо, работало хорошо, привилегий не требовало, да и выглядело более или менее по-человечески. Не считая острых ушей.

В новый класс Леама запихнули как раз-таки родители,

поняв, что это единственная возможность для сына получить диплом за счет государства: с такими ушами во времена, когда беженцы всех раздражают, получить грант на обучение для мальчика было бы нереально. Леам признался, что собирается через пару месяцев перевестись в класс зельеварения и продолжить семейное дело. План звучал хорошо, и Марина даже вслух его одобрила.

А еще парень поведал ей историю их корпуса. Оказалось, ровно двести лет назад здесь жил в землянке один схимник, в мирской жизни – бывший лекарь. Место было удобным – и от деревни на расстоянии, и к церкви близко, и лес с рекой в зоне доступа. Деревенские быстро прознали, что он хорош во врачевании и повадились к нему ходить, а святой человек никому не отказывал.

Ходили сначала только из одной деревни, но слухи разползлись быстро, и начали подтягиваться страждущие со всего герцогства. Схимник понял, что без помощников ему с таким потоком не справиться. Тогда он набрал смышленных парней и стал обучать их травничеству, анатомии и алхимии – всему, что для врачевания требуется. И чтоб ребятам каждый день не мотаться туда-сюда, деревенские поставили схимнику и его ученикам избушку, почерневший остов которой Леам Марине даже показал.

Когда же к схимнику потянулись и прочие желающие изучать дело врачевания, тогдашний герцог понял, что из этого можно извлечь выгоду, и построил для отшельника этот вот

корпус. Нанял ему в помощь простенький штат воспитателей, прачку, дворника, кухарку, купил нужные для обучения предметы и стал брать с желающих учиться плату. Большая часть шла на содержание самой школы – а иначе бы народ возмутился тем, что на святом человеке наживаются. Но и герцогу перепадало: немного, зато стабильно.

Когда схимника не стало, школа чуть было не закрылась. Но новый герцог – внук того, что построил этот корпус – решил, что это дело нельзя бросать на самотек. Он написал Императору жалобное письмо – мол, поддержите оплот образования в глубинке! – и тот дал добро на частичное государственное финансирование.

Здесь построили новое здание, переманили парочку профессоров, наняли еще несколько уважаемых людей, и обновленная школа – теперь уже Академия – заработала на государственном уровне.

Старый корпус сначала использовали как учебное крыло для алхимиков, но бегать до него было далеко, а зимой еще и холодно. Затем его оформили как склад, отчего помещение наполнилось разнообразным хламом. А в этом году решили списать за ветхостью и ненадобностью. И только открытие нового класса спасло здание от полного разрушения.

Леам по секрету рассказал, что Актелий Денеб – нынешний ректор Академии – оказался дружен с начальником герцогских тюрем. А у того одна из дочерей – полусирена. Девуца в возрасте на выданье. Красива – слов нет. Но все же сире-

на. И когда герцогство наводнили беженцы, мужчина сполна хлебнул всяких пакостей, пытаясь пристроить дочь замуж.

Тогда-то он и проникся судьбой одной из исправительных колоний, которыми управлял. И тогда-то сговорился с ректором. Они что-то накопили в старых документах, написали пару писем знакомым уважаемым людям и открыли класс.

Впрочем, даже Ежу было понятно, что долго эта халява не продлится: стоило только деревенским, а следом за ними и горожанам прознать, что магики-уголовники будут учиться по государственному гранту, как сразу поднялась волна недовольства. И умные люди не прочили этому классу долгую жизнь. Скорее всего, нынешний набор был не только первым, но и последним.

...

Первой мыслью Марины, узнавшей эти подробности, было возмущение: как можно закрывать класс, даже не дав его ученикам показать себя? А потом она почувствовала невольное облегчение.

Раз классу не суждено просуществовать более пары лет (а именно два года здесь минимально требовалось для получения диплома), то и ее мучения в любом случае не продлятся долго. И даже нет особого смысла отказываться от этих ребят. Что она, пару лет не выдержит? Отпахала ведь уже семь в системе образования. А разницы между уголовниками и просто наглыми подростками нет никакой.

Да, класс сложный. И все же не такой запущенный, как ей

показалось на первый взгляд. Не сразу, но ребята приняли ее как авторитетное лицо и даже выполняют просьбы (правда, приходится формулировать их как приказы). Большая часть неплохо вымуштрована, и нужно лишь не растерять эту дисциплину. Да, она понятия не имеет, кто из них «сидел» и за что, и не знакома с расовыми особенностями. Но у нее уже явно наметился костяк ребят, с которыми это можно обсуждать.

Крис – веселый раздолбай, сразу и безоговорочно вставший на ее сторону. Флокси – милая девочка, которая, похоже, увидела в ней маму. Леам – вежливый, дисциплинированный и много знающий парень. Поморник – еще более тихий и послушный великан. Дубок – вообще без каких-либо претензий: даже сам себя поливает и переставляет солнышком подышать. Ну и Ксавьер, конечно – хоть и слегка угрюмый, но зато взрослый и неконфликтный. Из этого уже можно строить коллектив. Не хватало только одного...

Глава 10.

- Сейчас мы будем выбирать старосту, - громко сказала Марина, когда сытые и вполне довольные жизнью магики вальяжно развалились за партами, готовые внимать и лишний раз не ерничать.

- А че это такое - староста? – громко спросил Еж.

- Это главный в классе, - пояснила Марина, поняв, что термин не знаком не только орку, но и всем остальным.

- Типа как надсмотрщик? – уточнил Уильям, покачав перед ней грязным сапогом.

- Ноги с парты убрал, - холодно приказала ему Марина.

Уилл с неохотой подчинился, сопроводив действие цыканьем и закатыванием глаз.

- Нет, надсмотрщик – это человек, который охраняет заключенных и управляет их бытом, - пояснила Марина, когда он закончил гримасничать и принял человеческую позу. – А нам нужен староста: тот, чьи слова вы уважаете, к кому прислушиваетесь и кого готовы поставить над собой главным.

- Голубиноного короля! Курлы-курлы-курлатор, – вдруг выдал Крис, весело осклабившись во все свои акульки зубы. Затем он нахохлился и потешно помахал «крыльями», изображая полет подыхающей птицы.

Класс пару секунд переваривал его слова, а потом все вдруг развернулось к Ксавьеру и заржали. А Марина сдела-

ла вывод, что этот мужчина все-таки неслучайно оказался в классе магов и либо сам является представителем какой-то магической расы, либо тесно с ними связан. Недаром же всему классу магов известна его история.

Которая, кстати, неизвестна Марине. А жаль. И жаль, что у проректора не нашлось личных дел ребят. То ли ректор забыл их оформить, то ли специально не стал посвящать Марину, чтобы она относилась ко всем одинаково хотя бы первое время.

- Нет, король мне не нужен, - спокойно отозвалась девушка, когда смех отзвучал, а Крис сел на место, слегка огретый указкой по голове.

Впрочем, мысль поставить Ксавьера старостой была заманчивой. Но ребята, скорее всего, не приняли бы его. Во-первых, он слишком сильно от них отличался – и возрастом, и обликом, и поведением. Примерно как невозмутимый дрессированный доберман от стаи разномастных бродячих шавок. А во-вторых, издевательские взгляды, которыми его смирili после слов Криса, вряд ли говорили о доверии. Хотя, кто их знает, этих уголовников?

- У вас на партах есть листочки, перья и чернила. Сейчас каждый напишет, кого бы он хотел видеть старостой, и положит свой листочек на первую парту. Словами вниз, чтобы никто не увидел. Я перемешаю листки и отдам дежурным, а они посчитают, кто и сколько получил голосов. Старостой станет тот, кого выбрало большинство.

- А себя писать можно? – вальяжно спросил Уилл.

- В принципе, можно, - пожала плечами Марина. – Но знаете, что если каждый получит только по одному голосу – от себя самого – мы будет голосовать до тех пор, пока вы все-таки не выберете старосту. Так что писать себя не рекомендую. Всем все ясно?

- Да, - нестройным хором откликнулся класс.

- Тогда приступаем, - кивнула Марина.

Зашуршали листки и перья. В классе установилась приятная сосредоточенная тишина. В этой тишине Марина увидела необычное зрелище: Дубок осторожно выпростал из кадки крупный корень, уперся им в пол для равновесия, навис над партой, вытянул ветку и взял перо. Точнее, перо за считанные мгновения будто вросло в его кору, как вырастает забор в тело выросшего под ним тополя.

Еще довольно необычно смотрелось перо в руках Денебы-невидимки: оно будто само принялось выводить буквы. После боевого приема Марины дух пустынь не посмел больше ходить без ничего. Но и оделся весьма странно: он просто нахлобучил на голову старинную шляпу, найденную в коридоре. Но теперь девушка хотя бы могла видеть его положение в пространстве и даже сторону, в которую он смотрит.

Рядом с Денебой неожиданно на пустом месте произошла склока брата и сестры. Марина сначала подумала было, что Еж пытается списать у Кассандры. Но все оказалось гораздо проще: парень всего лишь испытывал сложности с письмом

и просил сестру написать слово вместо него, а та возмущалась, обзывала его придурком и прочими обидными словами и сопровождала свои слова подзатыльниками. В итоге Еж все-таки написал имя сам, но Кассандра исправила ошибки.

Были и другие сложности. Поморник, про которого напрочь забыла Марина, постучал гигантским ногтем по подоконнику. Девушка попыталась было вложить перо в его пальцы, но это оказалось бесполезно. Тогда великан нацарапал что-то на земле под окнами. Марина перенесла эти знаки на листок и сложила его на первую парту вместо великана. И с усмешкой подумала, что анонимность при этом несколько не нарушилась, ведь она не разбирала местные буквы.

Когда все листки были собраны и перемешаны, Марина торжественно вручила их дежурным, и те начали разбирать чужую писанину. Даже не подозревая, что их заставили это делать не потому, что они ниже по статусу, а потому, что их учительница не умеет читать.

По мере разбора бюллетеней лица дежурных приобретали все более странное выражение.

- Что там? – напряженно спросила Марина, как только последний лист был отложен. Они написали имя кого-то, кого здесь нет? Они написали ее собственное имя? Или там вообще только матерные пакости, как прикольнулся однажды первый класс, в котором ей дали руководство?

- Ксавьер, - пожал плечами Крис.

- Что – Ксавьер? – не поняла Марина.

- Почти везде Ксавьер, - пояснила Флокси. – Только еще по одному голосу за Леама и Уильяма. Но, думаю, за Леама – это Ксавьер и проголосовал.

- А Уильям – за Уильяма, - презрительно хмыкнул Крис. Класс поддержал его негодованием, и в наглого парня с первой парты полетели жеванные кусочки бумаги, предусмотрительно оторванные магиками от листов для голосования. Уильяму оставалось только прикрыть голову и ругаться:

- Суки, - прошипел он. – Знайте свое место!

- А ну, цыц! – рявкнула на него Марина: этот парень нравился ей все меньше. Но педагогический такт требовал наказывать всех участников конфликта, так что она прикрикнула и на остальных: – Прекратили быстро «обстрел»!

Класс неохотно убрал «боеприпасы».

- Значит, Ксавьер, - подытожила Марина, возвращаясь к теме собрания и внутренне радуясь такому исходу: мужчина хоть и не вызывал у нее симпатии лично, но как управленец выглядел внушительно.

- Я не буду, - сразу отрезал Ксавьер, даже не удосужившись встать.

Марина поморщилась. Ну вот зачем он все портит? Ребята в кои-то веки оказались единогласны и хотят сделать правильный выбор, а он вредничает, подавая дурной пример.

- Почему? – уточнила Марина, одновременно пытаясь придумать, как бы его уговорить.

- Потому что они будут вести себя, как идиоты, а мне за это отвечать, - фыркнул Ксавьер.

Марина с ним была полностью согласна. Собственно, он сформулировал основную проблему всех классных руководителей. И она бы даже отступилась, уважая чужой выбор. Но увы, ей нужно было выстроить субординацию.

Ничто так не придает значимости начальнику, как наличие менеджеров среднего звена. И коль скоро у нее нет настоящих способов влияния на этих уголовников, стоит хотя бы поставить «буфер» между ними и собой. И даже если вдруг «буфер» окажется не слишком удачным и вызовет отторжение у класса, это тоже пойдет на пользу: на контрасте она покажется гораздо лучше, чем есть.

Да и вообще, это хорошо, когда высшее руководство находится на удалении от тех, кем управляет: так слушаются лучше. Ведь «далекого» начальника сложнее разжалобить. А «буфер» всегда может сказать: мол, чего ты на меня-то бычишь, это не мой приказ, а шефа. И недовольство класса разделится пополам между ней и старостой, тогда как без старосты будет выливаться на голову ей одной. Кроме того, «далекий» начальник всегда кажется более авторитетным, чем он есть. А авторитет в таком сложном классе был нужен позарез.

- И все же, ребята выбрали тебя, - укорила Марина неговорчивого мужчину. – Уважай чужое мнение. Они готовы тебя слушаться, дай им шанс.

- А если не будут, то что? – логично поинтересовался Ксавьер. – По заливку?

- Там посмотрим, - туманно ответила Марина и, нагло приняв его ответ за косвенное согласие, обратилась к классу:

- Итак, большинством голосов на должность старосты назначается Ксавьер!

- Даешь голубинового короля! – громко крикнул кто-то.

- Так держать, наша птаха! - откликнулся другой голос.

- Не пыли, чешуйчатый!

И финальной строчкой прилетело совсем уж странное:

- Покажи им всем!

Кому «всем»? Что «показывать»? И с чего вдруг такое единодушие в поддержке – они же только что над ним смеялись.

«Что вообще творится в головах у магиков?» - недоуменно спросил внутренний голос.

Марина покачала головой. Кажется, ее все-таки не совсем правильно поняли и вместо старосты класс таки выбрал себе короля. Ну да ладно. Не признаваться же, что она ничегошеньки о них не знает и совершенно не понимает. Главное, что теперь есть, кому делегировать часть полномочий.

- Ну, а теперь к делу, - прервала она акцию поддержки. – Наша задача на сегодня – вычистить и заново обставить свободные комнаты так, чтобы они стали похожи на жилые. Ксавьер, бери сильных ребят, займитесь ревизией и перестановкой мебели. Леам, составь мне перечень всех предметов,

которые могут оказаться полезными в быту. Девочки – вытираете пыль. Крис – моешь полы.

- Чего? – сразу скис демон. Его яркая улыбка вдруг оплыла, как потекшее мороженое.

- А Уильям меняет тебе воду и помогает передвиганием мебели и ковров, - добавила Марина, чуть подсластив пилюлю.

- Чего? – откликнулся уже Уилл, с презрением глядя на демона, которого ему поставили хоть и в мелкие, но все же начальники.

- А Денеба выбивает от пыли ковры, - добавила девушка, сжалившись над этими двумя: все-таки, мытье полов в заваленном хламом помещении, где сто лет никто не прибирался, и все только мусорят и мешают уборке – то еще испытание.

- Почему я? – откликнулся и невидимка, но тут уж Марина никого жалеть не стала: и так уже разделила одно дело на троих.

- А чтоб видно было, как ты работаешь, когда тебя пылью покроешь, - фыркнула она, представив это зрелище.

- О, Калина-Малина сечет фишку! – донеслось до нее с левого ряда. Марина заозиралась, но определить насмешника не смогла – звук в аудитории распространялся непривычно. Хотя, голос, вроде бы, принадлежал Крису.

- В общем, все за работу, - подытожила она. – И поактивнее. Пока не приберете жилые комнаты, обеда не будет. А

после обеда прибираем все остальное.

Ее накрыло слаженным стоном. Ребята явно не ожидали, что их учеба будет состоять из унылого физического труда. А Марина запоздало спохватилась, что надо было разделить генеральную уборку на несколько дней. Но сейчас уже было слишком поздно что-либо менять: признание учителями ошибок действует положительно только на уже сформировавшиеся личности, а желтоклювые птенцы должны свято верить, что учитель никогда не ошибается.

Несмотря на возмущение, через полчаса работа уже кипела вовсю. Ребята взялись за дело споро, но крайне неаккуратно. Марина то и дело бросалась спасать то стекло, то фарфор, то просто ветхий, но ценный с ее точки зрения антиквариат. Но потом все же смирилась: быть везде и всюду невозможно. Она лишь раздробила коллектив на еще более мелкие группы и в каждой назначила ответственного за целостность предметов. Вряд ли это сильно обезопасило утварь, но девушка хотя бы перестала распыляться на ерунду.

- Ну, как дела, Леам? – обратилась она к своему временному ревизору. Остроухий напялил на себя неизвестно где найденный фартук и даже добыл подвязки для рукавов. На шее у него было закреплено что-то вроде лотка лавочника, на котором он разместил чернильницу-непроливайку и лист для записей.

- С мебелью все хорошо, - отозвался тот, просматривая

длинный список. — Для каждой комнаты нашлось по паре тумбочек и столику. Кроватей нет, но мы нашли четыре диванчика. Есть еще один гардероб, но, полагаю, его следует перетащить в Ваши покои, да?

Он вопросительно глянул на Марину, приготовившись записывать. А девушка вдруг ощутила себя хозяйкой помещенья, беседующей с дворецким.

- Нет, поставьте в коридоре у выхода, - отказалась она. — Будем там зимой верхнюю одежду оставлять. А еще хорошо бы галошницу сделать и переобуваться.

- У ребят и обувь-то не у всех имеется, - осторожно заметил Леам. — А уж запасная пара — это и вовсе что-то... кхм... невероятное.

- Да, ты прав, - нахмурилась Марина. — Но надо же как-то чистоту сохранять. Не босиком же ходить. Может, тапки пошьем? Есть что-нибудь из тряпок ненужное?

Леам послунывил палец и принялся просматривать испитые листы.

- Есть рваное пальто без пуговиц и побитая молью шуба, - сказал он. — Думаю, починке они не подлежат.

- Вот, - кивнула Марина. — Пометь, что их надо пустить на обувь. И давай дальше про обстановку комнат. Что со спальными местами?

- Ничего, - отозвался Леам. — Их нет. Только постельное, что кастелянша принесла.

- Значит, сходи до кастелянши, спроси про матрасы, - велела Марина.

- Я не пойду, - сразу ушел в глухой отказ остроухий, мигом сменив облик педантичного дворецкого на облик капризного ребенка. – Я ее боюсь.

Марина вздохнула. Ей тоже не хотелось повторно идти к этой женщине, внушавшей содрогание при одном только воспоминании. Что-то было в ней такое, из-за чего Марина сразу решила, что лучше будет стирать свою форму сама, чем обращаться с этим вопросом в местный филиал ада.

- Еж! – она ухватила за шиворот как раз пробежавшего мимо орка. – Будь другом, сбегай до кастелянши, узнай, не найдется ли... ммм... четырнадцать матрасов?

- Не, я к мамке не пойду, - сразу отперся тот. – Лучше сразу дежурным на неделю.

- Кассандра! – громко позвала Марина его сестру.

- И Касси тож к ней не сунется, зуб даю! – заверил ее орк. – Она еще с прошлого раза сидит с трудом.

- Да что ж такое, - всплеснула руками Марина. – А как белье ей сдавать будете?

- Мы лучше на грязном поспим! – хором откликнулись парни.

- Тьфу! – в сердцах сплюнула девушка и принялась выглядывать Ксавьера: уж у него-то наверняка хватит выдержки для беседы с кастеляншей.

Но вместо этого Марина заметила совсем другого персо-

нажа.

- Шерман, рыбка моя сладкоголосая! – окликнула она красавчика с фиолетовыми косами.

Тот остановился, недоверчиво глядя на учителя: уж больно резким стал переход с приказного тона на ласку.

- Шерман, ты же у нас мастер околдовывать голосом, верно? – прищурилась на него Марина.

Парень занервничал, поняв, что его все-таки настигла учительская кара за вчерашнюю шуточку.

- Ну? – настороженно спросил он.

- Сходи, пожалуйста, до одной тетеньки и уговори ее выдать нам четырнадцать матрасов. Ежик тебе покажет, куда идти.

- А что он сам не сходит? – еще сильнее насторожился Шерман, покосившись на орка.

- А у него с вежливостью серьезные проблемы, - пояснила Марина.

Орк активно закивал в подтверждение.

- Я четырнадцать матрасов не унесу, - нахмурился красавчик.

- Возьмите Поморника в помощь, - пожала плечами Марина, внутренне празднуя победу над проблемой.

- Ну ладно, - пожал плечами Шерман и двинулся на выход. Еж за его спиной показал своей учительнице знак одобрения. Марина же повернулась к стоящему рядом «дворецкому»:

- Леам, зайчик мой длинноухий, а ты, кстати, не просве-

тишь меня насчет способностей этого сладкоголосого типа? – попросила она.

- А что тут говорить, - слегка пожал плечами эльф и смешно пошевелил конопатым носом. – Сирена он и есть сирена. Как запоет – любого околдует. Тут главное – уши вовремя заткнуть и самому на всякий случай что-нибудь начать напевать для надежности. Когда Вы ему спеть велели, я думал, это шутка какая-то. Ну, типа, он запоет, а нас всех околдует в наказание за ту драку. А Вы сами околдовались.

- Я просто ни разу не встречала прежде сирен – не знала, как они выглядят, - покраснела Марина и тут же попыталась перевести разговор на другую тему. – И вот еще: не подскажешь, с чего та драка началась – ну, с Крисом, вчера? Чтoб девчонки парня били, да еще с такой яростью – никогда такого не видела.

- Так это ж валькирии, - хмыкнул Леам. – С ними вообще связываться нельзя – вспыльчивые очень и сильные при этом. Крис сам нарвался. Он к Кристел подкатывал, шуры-муры крутил. А потом, видать, попутал сестер, и к Бристел полез. И тоже ей понравился. И только они, значит, нежничать начали, как Кристел вернулась. Ну, и не поделили они его. А Крис еще, как дурак, вместо того, чтобы извиниться за путаницу, принялся что-то плести про то, что ему обе нравятся и предлагать... ну, втроем...

Леам слегка смутился. Рассказывать такие подробности учителю-женщине ему, похоже, было неловко.

- Можешь не объяснять, - сказала Марина и мысленно ужаснулась. Темы полового воспитания в обычной школе были далеки от учителей, как звезды от астрономов: вроде, маячат где-то вдалеке, но рассуждают педагоги о них чисто теоретически. Разбираться же с подобными проблемами на практике... А если кто из девчонок «понесет», что она с этим делать будет?

- Про валькирий вы тоже ничего не знаете, да? – сочувственно поинтересовался Леам, оценив гамму эмоций на ее лице.

- Я вообще о магических расах ничего не знаю, - вынужденно призналась Марина. – Буду рада, если пояснишь.

- Ну, валькирии – это не совсем раса, - охотно принялся рассказывать Леам. – Это полукровки, потомки огров и людей.

Марина широко раскрыла глаза, представив такую пару.

- Да, нарочно не придумаешь, - рассмеялся Леам при виде ее реакции. – Валькирии выглядят как люди, но сильные при этом, как огры. И давно бы уже стали отдельной расой, но детей иметь не могут. Их выводят искусственно – в основном, для защиты высокопоставленных лиц: чтобы и красиво, и надежно.

Марина вздернула брови: это еще что за эксперименты в области евгеники? Впрочем, по крайней мере, с этими девицами вопрос с беременностью отпал. Для Флокси он наверняка еще и не поднимался, а Кассандра обладала слишком

специфичной внешностью, чтобы за ней бегали табуны мужиков. Но все же стоило взять этот вопрос на особый контроль.

- В Освении, откуда мы родом, была целая академия валькирий, - продолжал рассказывать Леам. - Она каждый год проплачивала рождение таких младенцев и занималась их воспитанием и военным обучением. Но когда начались гонения, Святая инквизиция сожгла школу первым делом вместе с ее ученицами. Сестры – одни из немногих, кому удалось спастись.

Леам помрачнел, а Марину внутренне перекосило. Сжечь целую школу с живыми девчонками внутри? Ее мозг просто отказывался такое представить. Зато стало понятно, почему обе такие мрачные.

- Марина Игоревна!! – заполошный крик хором из соседнего помещения вывел ее из задумчивости, заставив сердце тревожно дрогнуть, а потом и вовсе оборваться после следующей фразы:

- Пузырь лопнул!

Глава 11.

Пузырь не лопнул, он всего лишь напоролся на какой-то штырь и попортил свою внешнюю оболочку, позволявшую ему сохранять подобие человеческого вида. Хотя формально лопнул, да.

- Пакость какая, - с отвращением и одновременно детским восторгом пискнула Флокси, глядя на блевотную лужу, растекающуюся по полу одной из комнат. Лужа слабо шевелилась и явно пыталась соединить разорванные края своей «шкур». Но, увы, дыра снова и снова расходилась. Более или менее целы были руки и ноги, напоминавшие теперь силиконовые перчатки без содержимого.

- И как это лечить? – нервно задала вопрос Марина, оглядывая класс в поисках ответов. – Кто занимается врачеванием магигов?

- Пфф! – последовал логичный ответ. Ну, естественно, никто.

- Я могу съездить в город и отца спросить, - предложил Леам. – Но он вряд ли знает. Пузырь – из болотных жителей. О них вообще мало что известно. Знаю только, что им сахар нужен, когда болеют. Но вроде как регенерация у них на высоком уровне, так что должен сам себя вылечить. Может, просто соберем его в ведро и посыплем сахаром?

- Ну, за неимением других вариантов... - сказала Марина

и представила, как она посыпает сахаром эту живую блевотину. Ее передернуло. – А сахар вообще у кого-нибудь есть?

- Надо на кухню идти, - неуверенно сказал Леам. – Но Ксавьер туда уже за солью сегодня ходил. Могут подумать, что мы обнаглели.

- У сторожа есть сахар, - уверенно сказал Еж. – Он меня в детстве часто чаем поил. Хороший дядька, можно у него попросить.

- Я схожу, - кивнула Марина. – А вы пока... соберите его как-нибудь... во что-нибудь.

- Фе-е... - одинаково отозвались ребята.

- Ну, хотя бы то, что расплескалось, подгоните шваброй поближе, - скрепя сердце, предложила девушка, искренне надеясь, что природа защитила это странное существо от проблем вроде инфицирования бактериями. Потому что если нет, то любые попытки реанимации будут тщетными после того, как он разлился по грязному полу.

Пузырь в ответ согласно булькнул, и принялся вялой ручкой собирать сгустки себя в центр лопнувшей оболочки. Ребята соорудили брезгливые мины.

- Ну, чего стоим? – взбодрилась Марина, убедившись, что Пузыря действительно так легко не убить. – Швабры в руки и вперед – собираем товарища в кучку. Передвигать не надо. Пусть тогда в этой комнате и ночует сегодня.

Все согласно закивали. Облитые подозрительной пако-стью пол и стены не вызвали желания тут поселиться. Но

все-таки нашлись те, кто оказался против:

- И что, ему одному такую большую хату? – справедливо спросил клыкастый Персиваль. – Я тогда тоже хочу.

- Нет, - сказала Марина. – Я сейчас вас распределю по комнатам, по два-три человека. Думаю, так процесс уборки пойдет эффективнее: на себя работать всегда приятнее. Только мебель чтобы по-честному разделили. Я потом проверю!

Она ушла к себе, а вернулась спустя десять минут с листками бумаги.

- Это что? – изумились ребята, когда она показала им результат своих умственных трудов.

- Списки обитателей комнат, - пояснила Марина, демонстрируя ровные строчки. – Когда найдете клей, закрепите на дверях. Или таблички сделаете.

- Но тут какая-то шифровка, - ребята столпились возле бумажек, разглядывая незнакомые буквы.

- Это не шифровка, а алфавит моего родного мира, - пояснила Марина. – Сейчас Леам подпишет все так, чтобы стало понятно.

Она отдала листы эльфу. Остроухий под ее диктовку принялся писать дубликаты имен, а Марина мысленно поаплодировала себе: наконец-то у нее появилась возможность сравнить буквы и может быть даже выучить их!

- А сверху что написано? – спросил любопытный Крис, ткнув пальцем в заголовок над списком. Там значилось слово «Мозговитость», которое он никак не мог прочесть, и под

ним стояли три имени: Ксавьер, Крис, Леам.

- Секрет, - смутилась Марина. – Дорастешь – расшифрую.

Когда Леам закончил, девушка рассовала листки по щелям разошедшейся отделки дверей, показав, кто где будет жить. Разумеется, не обошлось без возмущения, но категоричных отказов не было.

Точнее был один – Персиваль и Денеба ни в какую не соглашались жить с наглым Уильямом. Пришлось чуть-чуть применить актерский талант и пояснить, какая важная миссия им доверена – присматривать за этим интриганом.

С такой точки зрения принцип расселения устроил ребят намного больше. Персик даже хищно ощерил свои вампирские зубы в предвкушении, заставив Уильяма попятиться, и Марине пришлось его осадить.

Закончив с этим, девушка отправилась за сахаром. Проходя мимо дверей, она мельком посмотрела на главные характеристики получившихся «палат»:

- «Мозговитость, простота, наглость, ярость, красота», - пробормотала она. – Хм. Прямо стихотворение. «Наивность» только в строфу не помещается. И Дубок с Поморником, которые вообще вне категорий.

Ребят она решила разделить по их характерам и особенностям. В «Мозговитых» поселила тех, с кем можно договариваться и даже что-то обсуждать. В «Простоту» попали Гора, Пузырь и Еж. В «Наглость» - Персиваль, Денеба и Уильям, каждый из которых уже успел ее хоть раз «подколоть».

В «Ярость» - вспыльчивые близняшки-валькирии, в «Наивность» - Касси и Флокси, а в «Красоту» - красавчик Шерман с подлым голосом, жгучий брюнет Шессер и пошлый хвостатый Амадеус.

«Кстати, что-то его не видать, - подумала Марина. - Похоже, прячется от работы».

...

Дорогие друзья!

Если вам нравится книга, не забудьте поставить ей "звездочку" (не под главой, а там, где обложка) - это поможет книге не потонуть среди разводов, измен, бывших и властных драконо-ректоров" XD.

А еще хочу сказать огромное спасибо за ваши комментарии и награды! Это воодушевляет! С вашими "донатами" у моих книг появились новые обложки, а у некоторых даже иллюстрации.

Глава 12.

Сторож жил у главных ворот в маленькой избушке, похожей на железнодорожные домики на переездах. Возле избушки была разбита грядка с овощами и даже имелась какая-никакая клумба из разохшейся бочки, а также скамеечка для медитации. То есть, для наблюдения за Академией, разумеется.

Дядечка поразил Марину до глубины души. На вид ему было где-то между сорока пятью и пятьюдесятью: возраст, далекий от молодости, но и неблизкий к настоящей старости.

Сторож был довольно стройным для своего возраста, кудрявым и абсолютно седым. Но больше всего Марину поразили глаза - голубые-голубые. Оттенок их был настолько чист, что они сияли ярче неба, делая своего обладателя похожим на ангела. В летах.

- День добрый, - поздоровалась Марина.

- Тс-с! – сторож приставил палец к губам и поманил ее, глядя куда-то вверх, под крышу своего домика. Девушка пожала плечами, подошла и присела рядом.

- Не двигайтесь, а то улетит, - шепнул ей мужчина, не опуская головы.

Марина тоже запрокинула голову. Чтобы увидеть ласточкино гнездо и его хозяйку, нервно поглядывающую на людей

с края крыши.

- Она боится, что мы съедем ее детей, - пояснил дядечка.
- Не приближается к ним. Хочет отвлечь наше внимание на себя. Но если мы не будем двигаться, она поймет, что мы не хищники, и покормит их.

Марина послушно замерла. Ласточка поглядела на них, поглядела. Сделала несколько нервных кругов, затем еще немного посидела на краю крыши. И, наконец, убедившись, что странные существа не питаются ласточками, скользнула к гнезду. Оттуда тотчас высунулись раскрытые рты и запищали. Быстро сунув в первый попавшийся клювик свою добычу, заботливая мамаша тут же улетела.

- Каждый год здесь селятся, - горделиво пояснил дядечка, наконец, опуская голову. - Ой, а вы кто?

Марина мысленно хмыкнула. Сторож здесь был, похоже, исключительно для галочки. Если он и приносил какую-то пользу для Академии, то точно не своими выдающимися сторожевыми навыками.

- Я новый учитель – Марина Игоревна, - представилась она. - Веду класс магов.

- Оу! – всплеснул руками дядечка. – Похвально-похвально. Уже заселились в новый... то есть, старый корпус?

Марина кивнула.

- Я когда-то работал там, - с улыбкой сказал дядечка. – Алхимию вел. Обожаю этот предмет.

Он счастливо сощурился на солнечное небо, что-то при-

поминая.

- А почему сейчас не ведете? – удивилась Марина. – Вы выглядите довольно молодым.

- Устал, - просто пояснил тот. – Постоянное давление, непослушание, эксцессы разные. Какие-то вечные соревнования между школами. Да и предмет сложный – из-под палки не выучишь. Алхимию-то я люблю, да и к студентам хорошо отношусь. Но само школьное дело и эти родительские закидоны...

Он шумно вздохнул и покачал головой.

- Как я вас понимаю, - с чувством сказала девушка. – Мне эти вечные конкурсы ради грамоты тоже уже в печенках сидят. Да и родители...

Марина запнулась, сообразив, что начала говорить лишнее. Но дядечка, похоже, и сам был похожих взглядов, да и ей давно хотелось высказаться. И она принялась с чувством жаловаться на жизнь:

- Вот, где у меня эти родители, - она чиркнула по горлу. - Одни школу воспринимают, как передержку для детей. Другие свято верят, что школа обязана вместо них заниматься воспитанием. Третьим дай да подай индивидуальный подход. Да у меня семьсот двадцать учеников в пяти параллелях, как они себе это представляют? Имена запомнить – уже достижение.

- Семьсот двадцать одновременно – это много, - присвистнул дядечка. – А зачем их всех запоминать? Главное – хули-

ганов выучить, чтобы потом знать, кого исключать.

- Я их в прошлой школе даже исключить не могла, - пожаловалась Марина. – Один у меня на занятиях год не появлялся. Год! И все равно перевели в следующий класс – чтобы поскорее выпустить и забыть его «ученичество», как страшный сон. Всем коллективом пальцы держали, чтобы пронесло, и он не вляпался в какую-нибудь уголовщину, пока прогуливал свой выпускной класс.

- Ну, это уж совсем, - покачал головой бывший учитель. – Зачем держать за таким оболтусом место? Сменять его на другого, да и все – желающих много.

- У нас в том мире сменить можно только учителя, - кисло пояснила Марина. – Помню, когда я классной руководительницей была, родители вечно требовали то математичку, то русичку заменить. А на кого, елки-палки? Как будто толпы гениальных учителей стоят у дверей и ждут не дождутся, как бы в школу устроиться. Тут даже второсортных учителей днем с огнем не сыщешь.

- Какие-то вы страшные вещи рассказываете, - нахмурился дядечка. – Я даже начинаю думать, что не все так плохо было в моей учительской карьере.

- О, это я Вам еще про эксцессы не рассказывала! – с садистским наслаждением протянула Марина. – Баллончик «Черемушки», распыленный в коридоре, кража семиклассниками резиновых ковриков из соседнего супермаркета по наводке какого-то мутного типа, регулярные шуточки с «за-

минированием» - и это только в моей школе и только то, что первым на ум пришло. А по новостям иногда и про издевательства над учителями, и про расстрелы рассказывают.

- Ну, Вам за это хотя бы платили, надеюсь? – сочувственно уточнил дядечка. – Зарплата достойная была?

- Это смотря, сколько часов взять и что вести, - пояснила Марина, мрачно нахмурившись. – А так... У нас даже шуточка есть профессиональная на этот счет: на одну ставку есть нечего, на две – некогда. Если из школы не вылезать, возможно, хватит на то, чтобы однушку в ипотеку взять. Но и то, не потому, что зарплата большая станет, а потому что тратить ее будет некогда. Тридцать шесть часов уроков, а к ним еще столько же – проверки тетрадей, составления отчетов, заполнения журналов, аттестаций, неоплачиваемых дополнительных функций, бесед с родителями, с учениками, ночными побудками в связи с ЧП в соцсетях...

Марина вдруг споткнулась, немного осмыслила перечисленное... и глянула на дядечку совсем другими глазами.

- А что, хорошо ли быть сторожем? – спросила она.

- Хорошо, - заверил ее тот. – После работы учителем хоть сторожем, хоть дворником, хоть золотарем – все в удовольствие.

- Хм, - задумалась Марина, всерьез представив вариант уборщицы с высшим образованием.

Дышать стало на порядок легче. Да что там – мир заиграл новыми красками! Пожалуй, впервые за последние несколь-

ко лет она ощутила, что вышла из колеса для хомячков. Вышла, остановилась с еще кружащейся головой и обнаружила, что у ласточек приятный голос, цветы в бочке – это очаровательно, а стареющие ангелы такими и должны быть, как этот дядечка.

- Спасибо... - начала она и вдруг сообразила, что сторож не представился. – Простите, а как Ваше имя?

- О, - отмахнулся тот. – Дженом Мадьер. Ребята обычно кличут дед Мадяр.

Он бодренько встал и церемонно поклонился.

- Какой же вы дед? – смутилась Марина: хотя мужчина и правда был абсолютно седым, но на деда не тянул. – Вы еще совсем молоды.

- Тогда зовите дядя Мадя – так тоже порой называют, - улыбнулся он, сияя на нее ясными, как небо, глазами. – Я уже пару десятков лет работаю здесь сторожем и дворником: в профессии разочаровался очень рано, а наукой заниматься не захотел. Даже многие учителя не знают, кем я был раньше. Так что обращение «профессор Мадьер» лишь обратит на меня лишнее внимание. А я не хочу возвращать тот год, когда каждый считал своим долгом удивиться и выразить соболезнования по поводу понижения в должности. На мой взгляд, я получил повышение.

Он подмигнул девушке. А та оторопела. Надо же, настоящий профессор – и дворник.

- Простите, а Вы, случайно, не медицину изучали? – спохватилась она.

- Нет, - разочаровал ее «дядя Мадя». – Алхимию. А что случилось? Помощь нужна? Я в молодости много чем грешил, так что в первой помощи сведущ.

Он сдвинул брови и посерьезнел, показывая, что это не шутка.

- У меня один из учеников... порвался, - призналась Марина. – Болотный житель. А я ничегошеньки не знаю о том, как их лечить.

- Ах, это, - рассмеялся от облегчения дядечка. – Ничего не надо делать, сам заживет. Главное, оторванные куски не выбрасывайте, подкиньте поближе к основному телу, а то есть риск размножения почкованием. Не думаю, что господин Тельпе будет рад зачислению в класс еще одного магика, да еще и новорожденного.

Дядечка многозначительно шевельнул бровью.

- Поняла Вас, - кивнула Марина. – А правда, что их сахаром посыпают для успешного заживления?

- Поливают, - поправил дядя Мадя. – Слабым раствором сиропа. Это не лечение, это... как бы бульончик для больного. Придает сил.

- А откуда Вы знаете? – с ноткой уважения поинтересовалась Марина, начиная подозревать, что здесь разделение на науки не такое четкое, как в ее родном мире.

- Я практику проходил в Освении, - пояснил он. – В Выс-

шей школе инквизиции. Она в то время была совсем не такой, как сейчас.

Дядечка устоялся куда-то вдаль с нежностью и грустью во взгляде, а Марина смутно припомнила, что Оsvения – это, кажется, страна, из которой эмигрировали ее ребята.

- О, какое чудесное это было место! - продолжил он. – Оплот уникальных знаний, островок просвещенности в море невежества. Но, увы, как это всегда бывает, на самом пике успеха этого заведения вмешалась «высокая» политика.

На слове «высокая» он скривился и едва не сплюнул.

- Я ничего не знаю об этом, - призналась Марина. – Может, скажете пару слов, чтобы я лучше понимала своих подопечных: я слышала, они бежали от религиозных гонений.

- Да что там рассказывать, - отмахнулся бывший профессор. – Где великие знания, там почитание и трепет. Где почитание и трепет – туда всегда слетаются политики, стремясь приобщиться к дармовой власти. А извратить прекрасную идею – это лишь дело времени. Был когда-то центр знаний о магиях и магии, а стал – институт геноцида и рабства.

Он покачал головой, а Марина задумалась над этими сухими пояснениями.

- Не вникайте в эту грязь, юная леди, - посоветовал ей дядя Мадя, заметив помрачневшее лицо девушки. – Просто будьте равны со всеми. Не осуждайте магигов, но и не будьте с ними излишне жалостливы. Жалость – к себе или к другим – развращает. А любовь, выросшая из жалости к недостат-

кам, не дает полюбить за достоинства личности.

Марина застыла с открытым ртом - подобная философия оказалась слишком сложной для понимания и явно требовала большего жизненного опыта. Но на всякий случай она благодарно кивнула человеку, что поделился с ней мудростью.

- А Вы зачем приходили-то? – спохватился вдруг дядя Мадя.

- А, так за сахаром и приходила, - ответила девушка. – На кухне нас не особенно жалуют. А ребята сказали, у Вас есть.

- Сейчас принесу, - улыбнулся дядя Мадя, прищурив свои невероятные голубые глаза, обрамленные седыми ресницами.

Он юркнул в дом, а Марина осталась оглядывать местность. Она еще ни разу не подходила к границам Академии. Корпус магиков был окружен дико разросшимся кустарником, и сквозь него ничего не было видно. Здесь же пейзаж был, как на ладони.

Академия располагалась на холме, и от самых ворот вилась вниз грунтовая дорога. Она терялась где-то в небольшой деревеньке перед лесом, а дальше, судя по просеке, смутно угадывавшейся с этой точки обзора, вела еще куда-то. Наверное, к городу. Между деревней и Академией пролегла небольшая речка, а через нее был возведен добротный мост.

Но полюбоваться пейзажем Марина не смогла: ее взгляд зацепился за нечто возмутительное. По дороге валяжной

походочкой, засунув руки большими пальцами за пояс, шел хвостатый Амадеус и нагло улыбался ей – будто подруге. Ничтоже сумняшеся, он миновал ворота Академии, мельком кивнул своему учителю и двинулся в сторону их корпуса.

- А ну, стоять! – рявкнула Марина, заставив только что вышедшего из дома дядю Мадю подпрыгнуть на месте. – Ты где был?

- Гулял, - преспокойно ответил демон и уставился на учителя оценивающим взглядом. И оценивал вовсе не учительские данные.

- Ну ты и... ну ты... Дядя Мадя, Вы зачем его выпустили? – напустилась она на сторожа.

- Так ведь если б не выпустил, он бы в другом месте через забор ушел, - хмыкнув, пояснил мужчина, протягивая ей мешочек с сахаром. – Вон, статья-то молодецкая.

«Молодецкая статья» гордо подбоченилась, демонстрируя товар лицом, бицепсами, трицепсами и «ягодисами».

- А так я хоть учет веду, кто вышел, да кто зашел, - продолжил дядя Мадя, нисколько не смущаясь своего странного подхода.

- Хм, - нахмурилась Марина. Потом глянула на наглеца и с неохотой признала: увы, старик был прав, ничем такого не остановишь, кроме кандалов. Можно лишь привлечь, но чем? Не телесами же, правда. Эх, тяжела учительская доля...

- В корпус, быстро! – скомандовала девушка наглецу. –

Нужник строить будешь.

- Да в смысле? – возмутился тот, сразу откинув свои пошлые повадки. – Не буду я!

- Я сказала, пошел! – рывкнула девушка, старательно делая вид, что владеет сотней способов его заставить, в то время как не владела ни одним. Но в такой ситуации выручить мог только блеф. И он сработал!

- Да че я сделал-то? – возмутился парень уже на порядок тише и даже сделал пару шагов в сторону корпуса.

- Поговори мне еще! – закрепляя успех, прорычала Марина, мысленно молясь всем богам, чтобы пронесло.

Метод был ну оооочень ненадежный и даже немного неэтичный. Но, увы, детское общество – это копия взрослого. И в нем тоже есть свои аморалы и преступники – только начинающие. И только от удачи и педагогического чутья зависит, выгребет ребенок из этого дерьма или так и вырастет в уголовника. И порой даже Макаренко способен отвесить ребенку оплеуху, если ему это нашепчет интуиция.

«А дальше великий педагог сгрызет ногти в ожидании реакции родителя: оценит тот «индивидуальный подход» или напишет заявление в органы», - мрачно добавил внутренний голос.

Марина тычком подогнала конвоируемого, чтобы тот сменил свою вальяжную походочку на нормальную ходьбу. Рога-то-хвостатый что-то недовольно буркнул, но ускорился. Она обернулась на сторожа и помахала рукой. Дядя Мадя сжал

кулак в знак поддержки.

А Марина торопливо уставилась суровым взглядом в спину ученика, чтоб не дай боги тот не увидел, что нет в ней на самом деле ни сердитости, ни жесткости, а только досада на собственную беспомощность.

«Интересно, кто он?» - подумала Марина, разглядывая форму хвоста и рогов. Рожки были изящные, с острыми кончиками, а хвост – длиннющий и тонкий. У Криса все было наоборот – ну, кроме длины хвоста. А еще Крис обладал специфичной акульей улыбкой и нечеловеческой прытью. Оставалось только гадать, относятся ли они к разным видам существ, или это индивидуальные особенности.

«Эх, как же сложно работать, когда ничего не знаешь о своих подопечных! – подумала она. - И даже не расспросить никого – поймут ведь, что ничего не знаю, и пользоваться начнут».

- Ой, Марина Игоревна! – вдруг спохватился демон, останавливаясь посередь дорожки и разворачиваясь к ней – да так резко, что девушка едва не врезалась в широкую грудь. – А у меня для Вас подарок.

Он полез за пазуху и вытащил оттуда помятый цветок – местную разновидность шиповника. Протянул его девушке и ослепительно улыбнулся. Его лицо при этом стало чрезвычайно симпатичным. Прямо старательно симпатичным. Но Марина была слишком погружена в свои морально-учительские терзания, чтобы это оценить.

«Попытка подкупа должностных лиц», - невозмутимо продекламировал внутренний голос, оценив ситуацию.

Девушка отмахнулась от этой мысли, хотя здравый смысл в ней был: демон определенно пытался «подлизаться». Если не «подкатить».

Марина встала в суровую позу, сложив руки на груди, и устояла на подопечного. Нет, она не пыталась «подавить его волей». Просто сама не знала, что надо ответить, и здорово напряглась, пытаясь сообразить, какие есть варианты действий.

Но пока она ломала голову, демон, впечатленный непонятым взглядом, будто проходящим сквозь него, сам себе что-то навоображал и забормotal:

- Да понял я, понял. Все уже, не рыпаюсь.

Отвернулся и пошел дальше по дороге, здорово помрачнев и что-то бурча себе под нос.

«А вот это уже классическая педагогическая удача, - продекламировал внутренний голос. – Жаль, некоторые списывают ее на свои родительские или педагогические таланты. Но мы – калачи тертые, обольщаться не будем».

Стоило им миновать защитную преграду в виде страшно разросшихся кустов, как глазам девушки предстало необычное зрелище: ее гоп-команда почти полным составом играла в футбол, гоняя по двору за каким-то мелким мячиком. Ребята смеялись, беззлобно толкались, пытаясь отвоевать инициативу, и выглядели вполне довольными жизнью.

Марина умилилась. Какие же они все-таки дети – даром, что всем тут лет по шестнадцать как минимум.

- О, жрачка! – ощерился и Амадеус, хищно уставившись на «мячик» и явно приготовившись присоединиться к команде «футболистов».

Марина недоуменно уставилась на спортивный снаряд и ахнула: это была крошечная мышка!

- Равняйся!! – гаркнула она как раз, когда Крис выполнил свой коронный прыжок и сомкнул на «мяче» когтистые пальцы.

«Футболисты» вздрогнули, затормозили и не сразу, но все же выстроились в неровную шеренгу. Марина мысленно утерла пот со лба и, изо всех сил притормаживая себя, чтобы не выглядеть паникершей, подошла к Крису.

- Руку! – скомандовала она.

Тот поднял руку.

- Другую, - мрачно шевельнув бровями, уточнила Марина.

Демон с неохотой поднял другую руку. В ней был зажат несчастный зверек. Он был еще жив, но так стиснут, что в целости животного у девушки были большие сомнения.

Она подставила ладони «корзинкой», и мышка приземлилась в них. Загнанная, насмерть напуганная, она старательно прикинулась мертвой, но часто бьющееся сердечко и шевелящаяся от дыхания грудь выдали.

- Можно я ее все-таки съем? - жалобно заканючил демон.
– Я ж ее поймал.

- Хватит жрать всякую дрянь! – возмутилась Марина. – Лучше б обед нормальный приготовили: там и капуста есть, и морковь, и лук, и картофель. Можно сделать рагу, щи, тушеную капусту или жаренную картошку.

- Трава, - презрительно фыркнул демон. Остальные согласно закивали.

А Марина задумалась. Растущим организмам и правда нужен белок. Но что-то мясом их никто не обеспечил. Хоть бы яиц выдали пару дюжин.

- Ксавьер! – позвала она, не увидев мужчину в строю, но тот как раз подходил со стороны дома. - Тебе задание: нужны идеи, где взять мясо.

- В лесу, - тут же пожал плечами мужчина.

- А еще варианты? - поморщилась Марина: с голыми руками охотиться на кабанов или хотя бы зайцев было не лучшей идеей.

- Подумаем, - покусав губу, сказал мужчина.

- Подумай, - кивнула она. – А пока дежурные тушат капусту с луком и морковью, а провинившийся – строит нам нужник под твоим контролем.

Она ткнула пальцем в Амадеуса.

- А остальные что будут делать? – уточнил Ксавьер.

- В футбол учиться играть, - неожиданно даже для самой себя заявила Марина. – Только мячик нужно какой-нибудь сварганить. Леам, что там у нас есть ненужного, что можно

пустить на изготовление более или менее упругого шара размером с человеческую голову?

- Ща сообразим, - пообещал остроухий.

А Марина подумала, что игры на свежем воздухе – и правда неплохая идея. Обучения тут, конечно, ноль. Но хотя бы повеселятся без порчи имущества и смертельных травм. Может, сбегать перестанут. Да и ей будет спокойнее, если с улицы будут слышны их азартные вопли. А то как с маленькими, ей-богу: только отойди, сразу что-то случается.

- Да, кстати, - неожиданно подал голос Ксавьер. – Матрасы принесли. Но Шерман теперь сидит на чердаке.

- Не поняла, - нахмурилась Марина. – Как одно с другим связано?

- Его кастелла туда загнала, и слезать он отказывается, - вместо Ксавьера, фыркнув, пояснил Крис.

- Подробности? – не спеша делать выводы, уточнила Марина.

- Еж запугал Шермана характером своей мамы, из-за чего тот с порога попытался очаровать ее голосом, даже не пытаясь поговорить, - принялся рассказывать уже Леам. – Но на взрослого орка колдовство не подействовало – они слышат в очень узком диапазоне частот. Зато вызвало резкую головную боль.

- Хм, - коротко отозвалась Марина, мотая на ус специфику работы колдовства, от которого уже пострадала.

- Тогда они решили добыть матрасы обманом, - перехва-

тил инициативу рассказа Крис. - Поморник подсадил Ежа на крышу, тот забил дымоход, и дым повалил в помещение. Шерман принялся бегать по двору и орать «Пожар», и пока госпожа Эгнерция пыталась понять, что случилось, Еж с Поморником сняли с петель загрузочные ворота и перетаскали все матрасы с бокового входа.

- Ой, придурки, - Марина прикрыла лицо ладонью.

- Кастелянша их не поймала, зато поймала за шиворот Шермана, - снова взял слово Леам. - А когда обнаружила, что собственность Академии сделала «ноги», а дымоход не сломан, а забит, то сделала вывод, что работала целая банда, и Шерман – ее часть. Минут пять его трясла, пока проходивший мимо ректор не вмешался. А Шерман вместо того, чтобы покаяться, по привычке рванул наутек. Кастелла рванула за ним. А Вы когда-нибудь видели орка в боевом запале?

Марина отрицательно покачала головой. Она вообще только сейчас окончательно убедилась, что кастелянша – орк. И узнала, что ее зовут госпожа Эгнерция.

- Короче, кастелла загнала Шермана на чердак, и он там закрылся, - подытожил Крис. - Она пару раз дернула за кольцо, но собственность Академии ломать не стала. Плюнула и пошла жаловаться ректору. С того момента Шерман так на чердаке и сидит.

Марина сделала глубокий вдох и медленный выдох. Подумала, а потом заявила:

- Ну и пусть сидит. Когда-нибудь да слезет.

«Детский сад какой-то, - мысленно добавила она. – Ни дня без происшествий».

Глава 13.

Пока дежурные готовили обед, а остальные магики пробовали освоить футбольные правила, Марина проинспектировала качество уборки: уж больно быстро ребята ее закончили.

Как и ожидалось, чище в помещении не стало, но все задания были выполнены, так что формально придраться было не к чему. А вот просто по-человечески придраться хотелось, и еще как!

После уборки корпус не только не стал чище, он как будто окончательно превратился в помойку! Хлам, что раньше был спрессован по углам, повытаскивали из укромных мест, выполняя задание «найти мебель для комнат», и все, что не подошло для устройства общежития, теперь валялось, где попало, мешая ходить.

Пол в таких условиях помыли весьма специфично. Видно было, что некоторые горы ребята еще пытались сдвигать, чтобы под ними помыть, в ит

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.